



18+

ArDente



**БЕРЕГ ДУШИ
И ИЛЛЮЗИЙ**

ГОВОРЯТ, НУЖНА ОДНА МИНУТА,
ЧТОБЫ ЗАМЕТИТЬ ОСОБЕННОГО ЧЕЛОВЕКА,
ВСЕГО ЧАС, ЧТОБЫ ОЦЕНИТЬ,
И ВСЕГО ДЕНЬ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЛЮБИТЬ.
НО ЗАТЕМ ПОНАДОБИТСЯ ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ,
ЧТОБЫ ЕГО ЗАБЫТЬ



ArDente

Берег души и иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660145

ISBN 9785449863997

Аннотация

Поднявшись, я вошел в дом. Оглянувшись вокруг, и меня вдруг накрыла такая тяжелая волна отчаяния и безысходности. Боль разрывала сердце от мысли, что я больше ее никогда не увижу. Я, не помня себя, выбежал из дома, вскочил в машину и рванул, утапливая в пол педаль газа. Я несся по извилистому серпантину крымской дороги, пытаюсь остудить горящее сердце. Сердце, обожженное **НАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНОЙ**, сделавшей из мальчишки **НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ**.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
«Сила в нежность»	6
«Эдельвейс»	52
«Письмо»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Берег души и иллюзий

ArDente

© ArDente, 2020

ISBN 978-5-4498-6399-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Эта история могла произойти в любом месте нашей планеты. Ветер влюбленности гуляет и в Америке, и в Европе. И этому волшебному чувству подвластны все, без исключения. Но эта история произошла в Крыму. В Крыму без времени. В прошлом, будущем... может в параллельном мире. И история началась совершенно банально, поездка домой, встреча... Но ведь так часто из банального получается совершенно удивительное, необычное, способное перевернуть не только твой мир, твоё восприятие, но и перестроить тебя, вывернуть наизнанку, очистить и изменить безвозвратно.

Персонаж должен быть живой со своими страхами, ошибками и неудачами. Идеальных нет на свете и таким персонажам мы не верим. А любим те книги, в которые верим, в которых проходим путь вместе с героем и вместе с ним меняемся к лучшему. Пускай немного, пускай чуть-чуть. Но это незаметное «чуть-чуть» замечают другие, близкие люди. И поверьте, это уже немало.

Эту книгу я посвящаю своим любимым дочерям.

«Сила в нежность»

*Говорят, нужна одна минута,
чтобы заметить особенного человека,
всего час, чтобы оценить,
и всего день, чтобы его полюбить.
Но затем понадобится целая ЖИЗНЬ,
чтобы его забыть.*

Я вспоминал, как буквально 30 минут назад, сидя на работе, неотрывно наблюдал за минутной стрелкой на больших, настенных часах у меня в кабинете. Раньше, не обращал внимания, на медлительность, с которым течёт время. Время летит как мгновение, неумолимая скорость времени, бешеный темп и т. д. – это мы слышим, практически, постоянно. Но что можно сказать насчёт неумолимо ползущего времени или заснувшей секундной стрелки? Хотя, наверное, вру. У каждого человека, в этом сверхзвуковом мире, бывали вот такие минуты, когда время, прямо-таки издевательски ползло. Обычно это случается, когда чего-то ждёшь. Но в данную минуту мне нестерпимо хотелось сорваться, забыть про тяжёлые переговоры, про контракты, про этих назойливых китайцев, у которых через день – два, экологическая катастрофа, а они цепляются за каждую копейку.

Я сидел за столом и, массируя пальцами лоб, пытался сосредоточиться на бумагах, периодически наблюдая, то за ми-

нутной стрелкой, то за приоткрытой дверью, за которой слышались шелест бумаги, ёрзание колёс кресла и постукивание каблуков секретаря.

Эллочка – прекрасное существо, о которой мы с моим «младшим мозгом» не раз задумывались, но всячески отгоняли столь сладкие мысли, сейчас меня просто раздражала своей пунктуальностью, аккуратностью и скрупулёзностью. Я стал вспоминать, кто из нас, идиотов, на собрании директоров ляпнул своим длинным языком о том, что начальство должно уходить с работы позже всех. Маразм! Мы же не капитаны на тонущем корабле. И вообще, лучше смотреть, кто сколько сделал, а не кто когда ушёл. Сделал дело и свободен. Но это ещё советское мерило ответственности и трудоголизма сидит в нас, без права на альтернативу.

Что мы все делаем после четырёх часов пополудни? Мы медленно и верно готовимся к уходу с работы. Кому нужен этот «вечерний чай»? Если не случился аврал, то все с постными физиономиями смотрят на часы, выражением преданного щенка. Вон, взять, к примеру, немцев. У них свобода начинается уже с четырёх. Кроме работы надо же ещё жить. А мы, приходя в семь часов домой, успеваем только загрузить желудок и с сытым видом уставиться в ящик, получая очередную дозу маразматических «знаний». А отдыхом называем, возможность поваляться в выходные чуть дольше, так как выработанные «внутренние часы» всё равно поспать не дают. И где тут есть место слову «жизнь»? Может вынести

рациональное предложение на совете? Пусть ни как немцы, но хотя бы что-то среднее между Европой и нами.

Я стал прислушиваться к звукам в соседней комнате, пытаясь определить, что делает мой «невольный заточитель». Я опять поймал, исчезнувшую мысль. Хотя могу встать и спокойно уйти, права мне это позволяют. Но в понедельник, каждый непременно сочтёт своим долгом, поинтересоваться, куда это я так рванул, не появилось ли у меня какое-нибудь молоденькое, прелестное создание? Поскалить зубы, я, конечно, люблю, но сейчас лучше буду показывать этот идиотский пример. Я заметил, что стал дёргать под столом ногой. Это плохой знак. Лучше успокоиться. Большой вдох, выдох. Ещё раз.

В дверном проёме появился прелестный силуэт Элочки. Наблюдая за миндалевидными, карими глазами и мягкой, можно сказать, воздушной улыбкой, я услышал такие сахарные слова. Странно, но просьба уйти домой сейчас звучала приятней, чем признание в страстной любви. Как же я всё-таки люблю пунктуальных, аккуратных и скрупулёзных людей. Желая приятных выходных, на моем лице появилась такая выразительная улыбка «чеширского кота», что милое создание просто пришла в лёгкое замешательство. Но, зная о моем переменчивом характере, решила быстренько удалиться.

Чудить я просто обожаю. К тому же, проработав со мной более года, Элочка никак не научилась разгадывать, когда я

говорю серьёзно, а когда шучу. Вот и сейчас, решив не загружать свою головку новым ребусом, она плавно развернулась и направилась к выходу. Ненавижу свою жуткую привычку похотливого кота, но я опять нагнулся чуть в сторону, наблюдая за походкой и особенно фигурой, исчезающей в коридоре Элочки. Да, надеюсь, что наши отношения не зайдут, куда не надо. Хорошего секретаря найти очень сложно, а потерять так легко, особенно когда слушаешь советы от своего младшего мозга. Интересно все прекрасно знают чего не надо делать, и что?... Вот когда задумаешься о том, какой мозг, каким управляет. Да нет, наверное. Просто работа, общие переживания, совместные достижения, всё это сближает. Но лучше не надо!!! Так хватит лирики! Я свободен. В путь.

* * *

Я, короткими перебежками, спустился во двор. Прыгнул в свой красный Jaguar F-Туре и дал газу. В зеркале заднего вида, я заметил, как распахнулась дверь, и по направлению ко мне выбежала наша «главбух». «Этого только не хватало!» – выстрелило в голове. Видя в её руках какие-то бумаги, я, с чистой совестью, утопил педаль газа. Прекрасно, что шлагбаум был приподнят. Я нырнул под него и был таков.

И вот 30 минут спустя я свернул на объездную трассу мимо Инкермана. Дорога здесь широкая, с очень мягкими по-

воротами. Я прибавил газу и почувствовал, как, в очередной раз, сливаюсь всей плотью с моим «монстриком». Вливаясь в очередной поворот, я поймал себя на мысли, что обычно, мужчины относятся к машинам, как к любимым женщинам. Машина всегда звучит с местоимением «она». Но то ли я не так люблю машины, то ли в плавных формах не определяю женский силуэт, но я изначально относился к своему ягуару, как к собрату, боевому товарищу. Да и меня всегда занимала мысль: «Что чувствуют мужики, когда в неё (машину) садиться она (женщина)?». Это уже пахивает неразделённой любовью или шведской семьёй. Вот когда проявляется наше мужское полигамное начало. Но в этом плане нам с «монстриком» проще. Мы оба любим женщин. И дружба наша крепка.

Промчавшись уже в объезд Севастополя, я вышел на ялтинскую трассу. С обеих сторон распластались широченные виноградники «Золотой балки». Это ещё одно «золото» Крыма. Интересно, но у нас островитян совершенно другое мировоззрение, чем на континенте. Мы практически не различаем города. Всегда на вопрос: «откуда?» отвечаем: «Из Крыма!». И если не требуется уточнять, то, и не уточняем.

В библейской литературе, Крым упоминается, как одно из 10 священных мест, где проходили жестокие битвы между добром и злом. На территории «бывшего союза» таких мест

только два: Байкал и Крым. Возможно это, а быть может, огромное скопление разных национальностей и привело нас к такому мирному сосуществованию.

Нас (островитян) волнуют события во всём мире, но как-то отдалённо. Там Украина, там весь мир. А здесь мы – островитяне. Но и остальные платят нам той же монетой. Ладно. Не будем о грустном. Тем более, что я уже на любимой лесной дороге, очередной раз калечу ходовую своего «монстрика» и въезжаю в свой «Берег души и иллюзий».

Почему я сюда нёсся сломя голову? Не знаю. Здесь всё воспринимается по-другому. Мысли текут плавно, дышится легко, даже движения замедляются. Но, я, кажется, понял, почему меня тянуло сюда с такой зверской силой. Мне так хотелось содрать с себя шкуру делового человека. Выскользнуть из ритма жизни и прыгнуть в забвение. Если бы не развал «союза», то у многих была бы совершенно другая судьба. Сколько людей свернули на скользкую тропку бизнеса, чтобы выжить? Много, много здесь заблудших душ. А могло быть и по-другому.

Но я сейчас въезжаю на любимую поляну, к обрыву, к своему настоящему дому и все бранные мысли должны остаться на дороге. Здравствуй, берег! Здравствуй, море! Здравствуй, пристанище! Привет, душа! Я дома!

* * *

Я вылез из машины и вездесущий ветер, как брат, приветствовал меня, заключив в свои невидимые объятия. Привет, дорогой! Ты, действительно, стал мне братом. Я стал лицом к нему, развёл в стороны руки и запрокинул голову, как бы обнимая встречным, ответным жестом. Ветер обдувал мне лицо, и что-то шептал радостное на ухо.

Пошептавшись с ветром, и узнав последние сплетни, я вошёл в дом. Я испытывал чувства, которые сложно описать. Это напоминало ощущение, когда после долгого отсутствия возвращаешься в дом, который знаешь с рождения. Дом, в котором все вещи лежат на тех же местах, на которых они лежали с далёкого детства. А действительно, как бы открыть дверь в комнату своего детства? В солнечный, летний день, когда лучи солнца, согревают каждую вещь, к которой прикасался ты ребёнком.

Я поймал себя на мысли, что за небольшое время, моего владения «Берегом души и иллюзий», я стал относиться к этому месту как к «дому детства». Вещи разбросаны. Порядок только снится. В доме не чувствуется женской руки. Настоящее пристанище холостяка. Лично меня это очень устраивает. Убирать я ненавижу, но когда спотыкаешься на каждом метре, то приходится наводить лёгкий марфет. А больше и не нужно. Да, да, это мужская логика. Логика практичных и ленивых. Если обратить внимание на все изобретения созданные человечеством, то львиная доля была создана ленивыми гениями. Получается лень – это

прогресс. Не плохо, да!?

Первым делом я отправился на террасу. Море немного штормило. Брат-ветер создавал искусные причёски тяжело-весным волнам. В небе только лёгкие, перистые штрихи облаков. А солнце добавляло колоритные краски, увенчав мягким цветом всю эту идиллию.

Я наблюдал за величием природы и ловил себя на мысли. Вот оно настоящее и кратковременное счастье. Счастье не может быть долгим. Это кратковременное состояние. Стремительный апогей и постепенное сладкое затухание. Счастье это неподвластное, совершенно не предсказуемое состояние. Его нельзя запрограммировать. Счастье это состояние души, а не мозга. Никогда не понимал праздники – всеобщую какофонию идиотизма. Люди готовятся к ним. Программируют весёлое настроение. У некоторых внутренние ощущения и внешнее веселье могут совпасть, и ощущения счастья возникнет. Но это единицы. Да и никто не гарантирует, что в следующий раз внешний и внутренний настрой совпадёт. Для остальных, кто не поймал гармонию, есть алкоголь. Не счастье, но искусственный заменитель.

Нет, я не против праздников. Переоценить их важность невозможно. Но мне действительно не нравится навязывание общих устоев социума. Мы такие разные, но нас всех так хотят уравнивать. Государство, религия, образование, воспитание, этикет – все силы брошены на борьбу с индивидуализмом. А мы с завидным постоянством всматриваемся в лица

прохожих с надеждой найти тот самый «запретный плод», найти индивидуума. Мы стараемся соединить невозможное. Взрастить в себе индивидуальность, и, одновременно, связать с логикой социума. Нелепо, но факт.

После ритуального приветствия всем стихиям, я отправился на кухню. Это ещё один мой ритуал. А именно, расслабление. Я достал турку. Прекрасная вещь, купленная в исторических местах, в Библосе, в Ливане. Продавец так усердно уверял, что этой турке более 200 лет. Что это сумасшедший раритет. И я могу стать счастливым её обладателем всего за 160000 лир (100\$). В конечном счёте, сошлись на 25\$. Хотя я купил бы и за 100, но на Востоке терпеть не могут людей не желающих торговаться. Это у них в крови и это так возбуждает!

Я всегда покупаю вещи, только если чувствую тепло от них. Я держал этот потёртый предмет на узенькой улочке, на которой каждый камень – это история. Я представлял того ремесленника, который, сидя в нищете, вкладывает всю свою светлую душу в это произведение. Того ремесленника, который надеется, что его вещи, так искусно вышедшие из-под его рук, послужат людям и после его смерти и будут согревать людей, принося им радость. Вот так эта турка через два моря и пропутешествовала.

Я поставил турку на огонь, и постепенно кухню наполнил нежный, ароматный, обволакивающий запах кардамона. Мне показалось, что весь этот арабский колорит как-то даже

изменил воздух вокруг меня. Атмосфера в доме становилась мягкой, тягучей и какой-то малореальной. Сознание отправляло меня в далёкие арабские пески, а движения настолько замедлились, что кофе в турке чуть не сбежал. Я перелил кофе в чашку. Достал с полки «Коктебель» (как положено в наших местах, приобретённого у Петровича – грузчика коньячного завода) и, опрокинув пару глотков в бокал, отправился обратно на террасу.

Я растянулся на шезлонге, смакуя коньяк и запивая кофе-ем. Наблюдая за торжественным схождением солнца в морской горизонт, за прибоем, ласкающим своим шумом ухо, за безмятежной и величественной картиной бытия.

* * *

Наступали сумерки. Я лежал в полной прострации и даже мысли в голове медленно переползали из одного полушария в другое, не желая меня тревожить. По идее, в этом состоянии меня должны были посещать какие-нибудь глобальные, философские, умиротворяющие мысли о создании мира и нашей сути в нём, но вместо этого я чувствовал полное расслабление без мыслей, без целей, без задач, вне мира, вне жизни, вне разума. Это состояние, граничащее между сном и реальностью, полностью растворяя малейшее представление о времени. Сколько можно так балдеть? Сутки? Двое? А если бы всю жизнь?

Сколько я бы ещё так мог пролежать, одному только Богу известно. Можно представить мою реакцию, когда в минуты наивысшего состояния умиротворённости, душевного расслабления, Нирваны, я, практически в забытьи, услышал нарастающее, мерзопакостное, занудное, отвратительное пиликание мобильного телефона. Ну как мы должны были прогневить Бога, чтобы он послал нам такое «гениальное изобретение»! Где тот злой гений, создавший столь изошрённое орудие пыток. Взял бы огромный камень и как дал бы по башке. Честное слово! Ради спасения человечества, можно пару лет отсидеть в тюрьме.

Современный человек просто не может без интернета и мобильного телефона. Это нонсенс! Но если от интернета можно спрятаться или, по крайней мере, забыть на пару дней, то это чудо враждебной техники просто наше наказание. Если припомнить сколько раз он звонил в совершенно неподходящие минуты. А сколько микрострессов по его милости произошло за время «гордого шествия по планете» можно узнать только у психотерапевтов. Да, и интересно, есть ли такая статистика? Я думаю, что цифра будет астрономическая. Самая большая проблема, что без этой игрушки мы не можем прожить?! Мы как-то неуютно себя чувствуем. Нам даже скучно! Так что прежде чем звонить, стоит подумать, нужно ли. А лучше отправить SMS. От этого хоть меньше зла. И если адресат сочтёт необходимым перезвонить, то сам свяжется. А ты пять минут можешь посидеть

«с помытой шеей». Хотя можно отправить сообщение и такого содержания: «Срочно перезвони. Минуты решают всё», или «Твоя жизнь зависит от этого звонка», или «Всё пропало. Если не хочешь получить инфаркт, то перезвони, я тебя подготовлю». Но лучше просто: «Вопрос касается контракта. Как будет время, перезвони», в таком случае, есть хоть возможность сказать, что: «Телефон лежал так далеко. И все выходные мы с ним не встречались». Вот такой вариант меня бы очень устроил.

Возвращение в реальный мир было столь внезапным, что я даже не успел подумать, как рука автоматически подхватила телефон со столика и, описав полукруг над моей головой, швырнула этого маленького «убийцу нервов» с обрыва прямо в море.

Какое же это удовольствие! Это непередаваемое ощущение полного экстаза! Fuji-Q Highland просто отдыхает! Когда-нибудь поступи так же. Я тебя уверяю, что ощущение и удовольствие будет гораздо дороже, чем деньги, потраченные на эту игрушку. Ощущаешь падения с плеч всех проблем, хлопот и неурядиц. *Vive, la vie!*

Несколько минут я сидел в лёгком шоке, вспоминая, что было ценного в телефонных записях, что нельзя восстановить. Но я давно уже перестал расстраиваться по пустякам. Значит, так тому и быть. Я поднялся с шезлонга и направился в дом «пошептать со звуком». Так я говорю, когда хочу немного посочинять музыку.

За окном уже смеркалось. Я сидел в своей «студии» и мешал коктейль из звуков синтезатора и гитары, обработанных на компьютере. Есть, конечно, плюсы цивилизации. К примеру, можно вот так, в одиночестве, управлять целым оркестром и слышать готовый вариант композиции. В считанные секунды, изменить любую ноту, поменять такт. Сколько времени пришлось бы потратить Баху, Бетховену, Вагнеру, Вивальди, чтобы переделать незначительную часть и услышать, что из этого вышло. Но то Великие, у них в головах в готовом виде уже слышалось полное произведение. А нам проще.

Я балуюсь со звуком не так часто, но во время этого интимного процесса я должен быть в одиночестве. Меня выворачивает наизнанку, если в это время меня кто-то будет отвлекать. Я становлюсь как разъярённый лев, у которого забрали кусок мяса. А если ещё и не получается, муза не желает посещать мою светлую голову, ну тогда прячьтесь зайцы в окрестном лесу.

Все давно уже знают, если я уехал один, то буду писать музыку и меня лучше не трогать. Но если не один, то тот маленький гадёныш, покоящийся сейчас на морском дне, разрывался своим звоном каждый час. Всё-таки мужики своей солидарностью в корне отличаются от женщин. Мы готовы присутствовать с друзьями даже в те минуты, когда друзья бы не отказались побыть и без нас. Мы с большим злорадным удовольствием можем часика в два ночи поинтере-

соваться о здоровье и благополучии дорогого друга. Поинтересоваться его делами. Предложить свою посильную и непосильную помощь. Поинтересоваться, как развиваются дела на личном фронте. И самое интересное, что всё это бескорыстно и с большим чувством ответственности. Думаю, к женщинам такие мысли не приходят. Хотя...?

Как хорошо, что при всех нечеловеческих стараниях и всевозможных ухищрениях, я так и не выдал преданным друзьям свой «Берег души и иллюзий». Иначе, я был бы не уверен, что и в четыре утра кто-нибудь из мушкетёров не решит меня навестить.

На этот раз всё шло просто замечательно. Я только успевал следить за плавными переплетениями звуков. Композиция росла и крепла самостоятельно. Постепенно, погружая меня в состояние всепоглощающей радости. Наше творчество – это наши маленькие дети. Они рождаются, растут и крепнут. И когда они появляются на свет, то счастье просто переполняет душу. Так получилось и сейчас. Я пару раз переслушал готовое произведение, врубив громкость на полную катушку. И с чувством полного удовлетворения, выглянул на террасу.

Усевшись на перила ногами к обрыву, я пригубил немного коньяку и с наслаждением прослушивал только что рождённую композицию. Поначалу я готов слушать сочинённые вещи часами. Изменяя и продумывая каждую ноту. Странно, но через день, прослушивая свежеиспечённое творение, я

уже перестаю вслушиваться и считаю себя полной бездарностью. То, что ещё вчера меня забрасывало на седьмое небо, на следующий день выглядело так нелепо, так тривиально. Не знаю, испытывают ли другие схожие чувства, но в те минуты я даже не помышляю кому-либо давать такое на прослушивание. Но, как птица, вылетевшая из гнезда, так и мелодия должна жить, подвергаясь суду людей. Иначе, зачем писать? Для себя? Каждая вещь имеет своего слушателя. Так пусть живёт и радуется других, если это возможно.

Я смотрел на море, наслаждаясь блеском и невообразимой красотой звёздного неба. В городе просто не видно столь великолепной красоты. Мельчайшие звёздочки, которые способен различить глаз. Вы когда-нибудь смотрели в запотевший объектив? Приблизительно, то же самое, видно в городе. Ночное небо вдали от цивилизации сказочно богато на краски. Бездонный антрацит космоса смешивается с фиолетовыми перьями облаков. Луна подбрасывает матово-молочную белизну. И всё это густо усыпано золотисто-белым светом маленьких, но потрясающе ярких звёзд.

Моему состоянию практически полному удовлетворения не хватало только одной, незначительной, детали. В состоянии полного расслабления не хватает только закурить. Я достал сигарету. Щёлкнул зажигалкой и втянул дурмящую дозу смерти глубоким вдохом.

В то время, когда прикуривал, боковым зрением я заметил человеческую фигуру на пляже. Для меня до сих пор

остаётся загадкой моё избирательное зрение. Не знаю, испытывает кто-нибудь такие же странности, но при моем далеко не идеальном зрении, я отчётливо могу рассмотреть детали женской фигуры притом, что мужскую просто не замечу.

Я повернул голову в сторону пляжа. Да! Действительно! Вдоль берега медленно и задумчиво шла девушка. Её походка напоминала движения канатоходца. Как будто невидимый канат проходил по кромке берега, а она осторожной поступью балансировала телом, чётко вымеряя каждый шаг, боясь оступиться. Создавалось впечатление, будто мягкими движениями рук она контролировала потоки воздуха вокруг себя. Тело её грациозно изгибалось, сохраняя баланс и равновесие. Я наблюдал за лунной русалкой. Моё зрение предельно фокусировало происходящее на пляже. Внутри, в каком месте точно сказать не могу, что-то начало медленно «сверлить буравчиком». В голове возник знакомый алгоритм, известный нам, мужчинам, похоже, с рождения. Мозг стал легко подставлять все запечатлённые глазами данные и складывать эту мозаику параметров со своим, даже мне детально неизвестным, образом идеала. Откуда у нас берётся представления идеала?

Я прекрасно понимал, что меня заметить просто невозможно, но почему-то замер в одной позе. Так замирают хищники при виде жертвы. Что это? Природный инстинкт? Но мы же цивилизованные люди! А всё же первобытные, даже, точнее, звериные повадки в нас выдают наше далё-

кое прошлое. Странно, но я замечаю, что человеческая сексуальность пропорционально растёт вот от таких звериных знаков. Я вспомнил, как смотря какую-то передачу о животных, заострил своё внимание на глазах гепарда, наметившего свою жертву. Это был настолько пронзительный, сверлящий, сексуальный взгляд, что косуля должна была от такого взгляда просто замереть, даже не помышляя о бегстве. Я вспомнил взгляд девушки, сидевшей как-то в одном из баров за соседним столиком. Тогда этот взгляд я чувствовал даже не глазами, а нутром. Похоже, точно такой же взгляд был и у меня сейчас, сидящего без движений и неотрывно наблюдающего за своей, ни о чем не подозревающей жертвой.

Она прошла по пляжу и скрылась за скалой, на которой стоит мой дом. И я потерял её из виду. Я прикидывал, что она здесь делает, ближайшая цивилизация – посёлок Ласпи на Востоке, и куда она идёт. За «моей» скалой ещё одна, но уходящая далеко в море. Я просто терялся в догадках.

Поломав немного голову, я решил спуститься на пляж. Перекинув ноги через перила, я сбежал по лестнице и ступил на берег. Аккуратно выглянул из-за скалы, стараясь не привлекать к себе внимание. Лунная русалочка стояла у дальней скалы и всматривалась в ночное море. Ветер расчёсывал её волосы и нежно ласкал её тело. Лунный свет гладил её лицо, позволяя мне рассмотреть нежные черты ночного создания. Я поймал себя на мысли, как же сложно описать причины,

по который нравится тот или иной человек. Как же сложно разложить по полочкам свои чувства, эмоции и переживания. Как же нелепо и бездарно искать причины, по которым твой мозг мутнеет, а душа трепещет в обжигающем пламени. Мой совет: «Если тебе могут чётко сказать из-за чего в тебя влюблены, беги от этого человека. Беги так, чтобы мысль не могла тебя догнать. Беги без оглядки, без чувств, без сомнений. Ибо твоя встреча с человеком не умеющим любить и жить, встреча с мертворождённым телом, способным приносить только боль, и кормить твоё одиночество. С каждым человеком, проходящим через нашу душу и ласкающим наше сердце, мы приобретаем не только светлые страницы нашей памяти, но и жизненную колоссальную мудрость. Мы взрослеем и становимся мудрее нашим восприятием этого бесконечного мира. Мы творим жизнь. Мы меняем мир. Мы вносим в копилку мироздания свет своей души, помогая этому миру становиться более ярким и невообразимо богатым.

Я смотрел на русалочку и понимал, что сам взрослею. Мои глаза созерцали, а мозг был не в состоянии разложить образ по полочкам. Я представлял как на невидимой палитре замешиваются краски нежного взгляда, воздушной улыбки, бархатной кожи, дурманящего запаха тела, грации и чистейшей души. Мог я влюбиться с первого взгляда? Да зачем же врать себе на пользу разума. Да! Мог! Мог и влюбился! И плевать мне на то, что думают другие. Не способен на такое? Ты, действительно, обделён. И не стоит вбивать молотом прагматиз-

ма крамольные мысли в головы ЖИВЫХ. Завидуй нам, эгоистам любви и чувств. Плач о своей томящейся душе. Мы тоже будем оплакивать тебя, но только после экстаза своих чувств. После! Потом!

Я почувствовал, как мои пальцы нежно прикоснулись и гладили каменный выступ. Моё дыхание участилось, а тело постепенно погружалось в состояние влюблённости. Глаза улавливали малейшие движения «лунной принцессы», а язык уже давно облизывал мои горячие губы. В этот момент русалочка повернулась в мою сторону. Я дёрнулся, прячась за скалой. Мой разум, моментально, набросил силки на мои чувства, блаженно отрезвляюще. Хвала разуму! Прости меня, я только недавно унижал тебя, но если бы не ты, человек никогда бы не стал ЧЕЛОВЕКОМ. Ты всегда находишь дополнительные силы для сдерживания нашего бессознательного. Ты цербер наших чувств и желаний. Ты гениальный дирижёр нашей жизни. И в войне с чувствами ты, как правило, победитель.

Я стал оглядываться, ища «место встречи», с прекрасным лунным созданием. Мой взгляд остановился на темно-сером валуне, спокойно дремлющем у подножья скалы гранита. Место идеально подходило для встречи. Скала бросала неровную тень на векового исполина, и лишь край его облизывал молочный лунный свет. Три прыжка мне понадобилось, чтобы добраться до «трона». Я вскочил на камень, быстрыми движениями поймал сигарету губами и закурил.

Расчёт был, достаточно, прост. Хотя меня скрывала тень, но горящая сигарета выполняла функцию маячка.

Я был полностью уверен, что не заметить сигарету невозможно. В крайнем случае, часто затягиваясь можно создать дополнительный эффект. И мои старания могли быть замечены. Хотя от частого всасывания, дым, в буквальном смысле, валил из ушей. Но что не сделаешь ради эффектного появления. И неожиданно, в последнюю секунду, меня осенило. Потусторонняя, эффектная загадочность могла породить просто противоположное ощущение. Ощущение опасности, а не расположения. Действительно, присесть на берегу, на совершенно открытом пространстве! Это не пугает, не настораживает.

Я вскочил и слегка отрешённой походкой, направился к кромке воды. Эффект внезапности был безвозвратно потерян, но лучше так, чем наблюдать перепуганные глаза и, возможно, уносящуюся фигуру русалочки по крутым склонам утёса. В моих планах было искусно расставленные сети, в которые обязан попасться этот ночной, беззащитный мотылёк. Расчёт был точен. Как только я вышел на середину пляжа, то краем глаза заметил, остановившуюся русалочку, с любопытством наблюдающую за мной. Не бойся, принцесса, я дам тебе самой решать делать или нет «шаг навстречу мне». Я делал вид, что совершенно её не замечаю и медленно, подойдя к воде, присел на ещё тёплую гальку. Я обязан был создать как можно более безобидный образ. Глупо, на-

ходясь вдали от цивилизации, на большом пустынном пляже, окаймлённым крутыми, скальными великанами, наедине с прекрасным существом, корчит из себя этакое «Дон Жуана» – ловеласа или, ещё хуже, жгучего, самоуверенного, нахального мачо. Моя стратегия сейчас «паучья». Тихонечко усыпить бдительность и...

Я, для более безопасного образа, обхватил рукой колени и прогнул спину колесом. Ну, чем не приятный, безобидный комочек внушительных размеров! Русалочка, немного понаблюдав, сделала шаг в моем направлении. Даже боковым зрением я наслаждался её плавной, грациозной походкой.

Лунная принцесса медленно, даже как-то величественно, подошла ко мне и остановилась. Она молча смотрела на меня, а я, делая очередную затяжку, краем глаза рассматривал её обнажённые ножки с аккуратными, маленькими пальцами. Я, театрально выдержав паузу, поднял голову и посмотрел на её лицо.

Она смотрела на меня и улыбалась. Её волосы прятали лицо от лунного света, но глаза светились также ярко, как и само солнце. Это были глаза нежности с лёгким оттенком еле заметной печали. Печали сидящей глубоко в сердце. Сильно завуалированной, размытой, но всё же печали. Как будто она знала, что печаль неизбежно вползёт в её сознание, но позже. А сейчас можно смотреть с неподдельным любопытством на вполне приличного молодого человека, глазами желающих жить и чувствовать.

Как долго мы смотрели друг на друга сказать сложно. Время работало в режиме замедленной съёмки. Мы рассматривали друг друга. Между нами плавно проплывал бессловесный разговор. Разговор душ. Разговор разума и чувств. Разговор счастья и печали. Казалось, за эти минуты я успел рассказать ей обо всей своей жизни. Жизни без неё. Без её ласки. Без её тепла. Без её шёпота. Без её поцелуев. Без её страсти.

Как только я закончил свой мысленный рассказ, она улыбнулась такой воздушной улыбкой. Так улыбается лунная дорожка на мягких перекатах ночных волн. Мне стало так тепло и легко, будто тяжеленный, мрачный, липкий и тягучий груз смысла с моей души эта нежная улыбка. Она подняла свою руку и протянула мне мой мобильный телефон.

Странные чувства посетили меня. С одной стороны, я радовался этой незатейливой игрушке. Такое чувство посещает каждого из нас, когда навсегда потерянная вещь, вдруг с новой силой вторгается в твою жизнь. Помнишь такое чувство? Одно из немногих чувств детства, о котором мы периодически грустим. И благодаря таким ощущениям притягиваем давно минувшие радости и переживания. А с другой стороны, эта вещь – цивилизации, от которой я так стремительно убегал. Которая меня недавно так злила, так мерзко навязывалась, так липла, как муха в раннее летнее утро.

Я протянул руку и своими пальцами прикоснулся к прохладной атласной руке. Забрать телефон это полдела. Я хо-

тел включить ещё одно чувство познания – осязание. Может передо мной мираж или ангел? Я прикоснулся к ней и маленькие мурашки хаотично побежали по моей спине. Прохладная шелковистая рука после знойного дня... Что может быть лучше?! Если бы ещё эта ручка легла на мою шею... Я даже прикрыл глаза, воображая и ловя все чувства, которые могли возникнуть. Но ангельская рука выскользнула, и в мою руку упало чудо враждебной техники. Я сразу ощутил весь груз дня так ловко всплывший в моем мозгу.

Я уже не швырялся своими проблемами. Я просто решил о них забыть и аккуратно положил телефон рядом на песок. Протянув руку, я жестом предложил ей присесть рядышком со мной. Она не присела, она опустилась так тихо, так беззвучно, как туман садиться на горные вершины, как снег падает на альпийские луга, как тополиный пух ложится на городские мостовые. Мы оба отрешённо смотрели на морской горизонт, на лунную дорожку боясь голосом нарушить столь лёгкую ночную идиллию.

Я первым нарушил потустороннюю тишину. Мне так хотелось услышать голос ночного видения. Хотя лично для меня, её голос уже не имел ровным счётом никакого значения. Но, женщины! Для вас звук и тембр голоса играют куда большее значение. И поэтому, я решил пустить ещё один свой козырь в ход.

– Русалочка, ты, что тут делаешь в столь позднее время? Сказал я более низким, чем обычно, эротичным голосом. Я

старался с самого начала настроить свой тембр так, чтобы ушки ночной принцессы не просто улавливали каждый звук, но и старались быстро доносить мои слова до её сознания. Эти маленькие уловки известны каждому «покорителю сердец». И их эффект проверен мною сполна.

– Я очень люблю в это время собирать здесь, на пляже, мобильные телефоны.

Произнеся эти слова, она так хитро улыбнулась. Глаза её прищурились, как у лисицы, но взгляд был подарен горизонту.

Я, улыбаясь, наблюдал за её лицом в профиль, который гладил лунный свет. Голос не был высоким, привычным для мужского уха. Это был томный, бархатистый, относительно низкий, потрясающе эротичный альт женщины. Если я скажу, что у меня внутри всё упало, это будет неправда. Внутри меня кровь заиграла так, что я покрылся лёгкой испариной, а грудь уже жгли раскалённые чувства страсти, радости и эйфории.

Я быстро стал соображать, с кем я имею дело. Передо мной не беззаботное, нежное создание, которое ныряет в экстаз от малейшего прикосновения и витиеватого шёпота на ушко. Передо мной львица, знающая о чувствах, страсти и любви, возможно, больше меня. Передо мной ЖЕНЩИНА! Царственная, грациозная, нежная, хитрая и коварная.

Я благодарил Бога за столь экстравагантный подарок. Мне выпала удивительная возможность проверить на что спосо-

бен я сам. Меня захватывала мысль, что я смогу получить гораздо больше, чем экстаз. Передо мной не проходная фигура. Это ЖЕНЩИНА, которую помнят долго, которая оставляет след в душе на всю жизнь. Ожѐг от такой женщины делает из мальчика НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ, способного подарить другим букет ярчайших чувств. Мужчина меняется в корне, после встречи с такой женщиной. Его взгляды, мировоззрение, глаза и даже походка меняется после соприкосновения с этим пламенем. Пламенем ада или рая, кому как нравится. Но я склоняю голову перед такими женщинами. Женщинами, создающими настоящих мужчин.

Я понимал, что моя «паучья» тактика не имеет ни малейшего шанса. Здесь не нужны слова. Здесь мысль, жест, взгляд имеет просто физическую форму. Здесь всё читается. Здесь нет места банальностям! Нет места фальши! Это всё настоящее!

Она оторвала взгляд от горизонта и медленно перевела его на меня. Это было проделано настолько искусно, что в моем горле образовался комок. Вначале в мою сторону развернулось лицо, как бы предлагая мне изучить черты и изгибы. А лишь потом, плавно переплыл взгляд. Взгляд?! Нет, это мощнейшая энергия, раскалывающая мозг пополам. Это сила бури, сбивающая тебя с ног. Это мощь прилива, накрывающая тебя с головой и уносящая в водоворот эмоций. В зелёных глазах я встретил демонический блеск желания, эгоистичной страсти и мощи женского Я.

Когда женщина разрывает взгляд между глазами и губами мужчины – это готовность подарить себя. Но когда сверлящий взгляд фокусируется на глазах – это вызов. Вызов на пределе нервов. Безапелляционный вызов, без сомнений и сожалений. Вот таким взглядом был одарён я.

Игра «в открытую» на оголённых нервах! Это для меня истинный подарок. Я запустил пальцы в её волосы на затылке, разминая и поглаживая шею. Она вздрогнула, закрывая глаза и опрокидывая голову назад. Что это? Эрогенная зона? Подарок судьбы? Сразу попасть на зоны воздействия?

Ладонью свободной руки я мягко прикоснулся к её щеке. Как кошка нежно трётся о своего хозяина, так и, русалочка, приоткрыв рот, тактильно изучала мою, немного влажную, руку. Она покачивала головой, находясь в лёгкой прострации. Сквозь опущенные веки, я наблюдал, как её глаза покачивались, описывая полукруги в глазницах.

Я наклонился и трепетно гладил губами её нежнейшую кожу за ушком, жадно ловя носом её запах. Запах нежности, возбуждения, чарующей магии и свободы. Мой горячий язык выписывал причудливые узоры на атласной коже. Я обнял губами и нежно прижал её мочку. И услышал восторг, вырвавшийся из её уст. Такой тихий, трепетный, тонкий. Казалось, что её сознание с яростью боролось с чувствами, охватившими тело и душу. Пыталось спрятать, как можно глубже, всех предвестников капитуляции. Пыталось сжимать горло, не давая возможность выдохнуть огненную

страсть, бурю наслаждения и экстаза.

Но она женщина. Женщина, уставшая от необходимости быть сильной. Уставшая от давления времени, так быстро сжирающего её тело. Уставшая от забот и проблем своих и близких ей людей. Уставшая от быта, засасывающего её мечты. Уставшая от тяжести жизни, терзающей её душу. Женщина, молящая спрятать её от всего. Женщина, желающая быть заключённой в объятия сильного, нежного, любящего мужчины. Хотя бы на минутку. Хотя бы на мгновение.

Я чувствовал, как ей нужна была эта передышка! Этот маленький глоток свободы, счастья, любви. Маленькая остановка, после которой она готова идти дальше по дороге своей судьбы. По дороге своих переживаний. И глубокой ночью внезапно просыпаться, мечтать и переживать обо всём, что сейчас происходило.

Наши тела всё сильнее поглощала агония страсти и желания. Я всё крепче прижимал её к себе, пытаюсь спрятать от мира, следящего за каждым нашим движением. Я постепенно растворялся в ней. Мой раскалённый разум медленно плавился в дурманящем любовном дыму. Я ласкал её голову, вороша её шелковистые волосы. И с неистовой жадностью впился в мочку её уха.

– Что ты со мной делаешь? – в полузабытьи простонала она. Это отголоски разума со скрежетом пытались удержать уже выпорхнувшее тело.

– Я тобой дышу! Тобой живу! Тобой наслаждаюсь! –

тихим шёпотом промолвил я. Уже полностью покорённый этим существом, я не лгал. Из меня вырывалось подсознание. Вместо сложной, дикой и яростной игры двух хищников, мы просто дарили нежность, ласку и чувства понимая, что наша сила сейчас как раз в этом. В поглощении друг другом. В наслаждении прекрасными нежными чувствами радости и удовольствия. В насыщении, таким сложным букетом чувств и эмоций, наших душ. Оценить силу личности и предложить более простой вариант. Это мы положили в основу наших отношений. Сила в нежности! Мы это прекрасно понимали и оценили, затаив дыхание, и даря друг другу раскрепощение и свободу.

Я, придерживая рукой, опустил её на песок, влюблёнными, нежными и любопытными глазами рассматривая каждую деталь её тела. На моем лице сияла улыбка неподдельной радости. Мои глаза, как бы впитывали её образ, стараясь запомнить и зафиксировать в долгой памяти цветок, подаренный мне в этот странный и прекрасный вечер.

Да, влюблённость очень странная вещь, способная идеализировать всё, что соприкасается с твоим взглядом. Нет, разум, прелесть в том, что не всегда ты можешь держать нас в узде своей паутины. Мы изредка, но вырываемся на бескрайние, плодородные просторы свободы. Мы творим такие великие безумства. Мы вдыхаем жизнь полной грудью. Мы ловим взгляд солнца и гладим ветер. Мы целуем воду и ды-

шим любимыми людьми. Мы криком будим море и шёпотом заставляем распускаться бутоны цветов. Мы дарим себя и не требуем ничего взамен. Мы живём! Мы дышим! Мы горим! С твоим возвращением, конечно, всё меняется, но сейчас не твоё время.

Я целовал её горящие губы и мягкие щеки. Нежную шею и бездонные глаза. Маленький нос и шёлковые волосы. Я дышал её страстью. Гладил её нежные руки, прекрасные бедра, мягкий живот, округлые плечи и сексуальную грудь.

Приподнявшись, я сел. Она медленно, как бы возвращаясь из полусна, приоткрыла свои веки и взглянула на меня изумрудными глазами. Глубокий, открытый, нежный и лёгкий взгляд.

Смотря в её глаза, я ловил себя на мысли: «Какими же разными взглядами может одарить нас влюблённый человек». В действительности, взгляд – это то небольшое, что выдаёт наши мысли и намерения. Взгляд невозможно подделать. Он всегда чистый и честный. Он несёт с собой наши желания. И какие слова бы в это время не улавливало наше ухо, наше подсознание работает на взгляд.

Когда чаще всего подозреваешь обман? Когда словам противоречит взгляд. Тогда закрадывается сомнение. И чаще мы доверяем ушам. А зря. Читай взгляды, лови мельчайшие изменения, и для тебя не будет существовать загадок и тайн чужой души. Но палитра взгляда настолько разнообразна.

Как разгадать? Может надо спросить у своего сердца. Может в сочетании сердца и разума кроется истина? Не знаю. Я просто стараюсь чувствовать.

Я попробовал почувствовать её взгляд. Она смотрела на меня, гладила волосы и мягко улыбалась. В глазах я видел ростки влюблённости, нежности, ласки и какого-то материнского тепла. Казалось, что она ни о чем не думает, она просто дарит тепло и заботу. Интересно, влюблённая женщина очень часто одаривает нас вот таким материнским, тёплым взглядом? Не благоговением рабыни, а мягким, нежным взглядом материнского снисхождения. В этот момент мы глубоко в её душе. Мы её творение. Мы – счастье, рождённое ею. В такие моменты хочется прижаться к ней, закрыть глаза и почувствовать себя её ребёнком, частью её плоти. В такие моменты рождается любовь. И ты чувствуешь, что тебя трепетно любят. Любят всей душой.

– Иди ко мне, протягивая руки, прошептал я, посадив её на колени спиной к себе. Ловкими и быстрыми движениями, снял с неё топ. Опуская руки, она сделала такой глубокий выдох, будто вся усталость жизни, все невзгоды и страдание собравшись в огромный пучок, стремительно покинули её душу, лихорадочно ища свою новую жертву.

Мои пальцы ласкали и гладили бархатистую кожу. Обвивая своими руками её плечи, я нежно целовал затылок и шею, наслаждаясь каждым прикосновением моих губ к те-

лу, лунной принцессы. Я гладил и массируя её прогнувшуюся гибкую, грациозную спину, легонько покусывая плечи. Обхватив талию, я, что было силы, прижал её к себе, ощутив тепло её тела. Она, затаив дыхание, прогнувшись, как пантера, запустила пальцы своей руки в мои волосы, сжимая их и оттягивая назад. Я жадно губами впился в её шею. Мои руки ласкали её живот и талию. Я не смел дотронуться до её прекрасной, так меня манящей, груди. Хотя вру! Мог! Но мне так хотелось продлить удовольствие держать в руках столь желанное тело. Я ловил мысль о счастье нахождения рядом со мной прекрасной женщины. Мои руки никак не могли насытиться прикосновениями к столь изысканному существу. Я просто терял своё сознание и даже не заметил, как выпустил свои «когти», оставив по пять бледно-розовых дорожек на внешней стороне её бёдер.

Дикий зверь! Я уже замечал, что когда мой разум прячется в глубине мозга под давлением всепоглощающих чувств, я проявляю, прямо-таки, дикую натуру. Я не знаю почему? Не знаю, что в такие моменты вселяется в меня, но я готов рычать, впивать «когти», покусывать плод моего наслаждения. Мне даже кажется, что я готов зубами просто растерзать тело, доводившее меня до экстаза. Хотя я в такие минуты превращаюсь в зверюгу, но при этом достаточно нежную. Мои движения так же замедлены. Также смакуют всё действие, происходящее в эти сонные минуты. Я прихватываю кожу зубами, но соизмеряю силу укуса. Это очень напо-

минает укус преданного пса во время игры с любимым хозяином. Крепко, сильно, но совершенно не больно. Чувствуй силу и мощь зверя, но не бойся, боли он тебе не доставит.

Откуда-то из забытья, я услышал грудной стон. Стон полного блаженства. Стон безумства наслаждения. Стон обжигающей страсти. Да здравствует бесконтрольность! Неуверенность, сомнения, страх, скованность – вы все, сдерживающие наши желания, нашу жажду, нашу сексуальность, забейтесь в отдалённые уголки сознания, запугайте себя, наденьте на себя цепи и ждите, когда вам позволят вернуться. Сейчас пир ваших противоположностей. Они сейчас в фаворе и им подвластны наши тела. Пускай на час. Пускай на минуту. Пускай на мгновенье. Но ради этого мгновения мы и живём. Мы страдаем под вашей властью ради мимолётных секунд без вас. Цени эти мгновения. Возвращай их. Ведь они являются контрольными точками отсчёта отрезков твоей жизни.

Я жадно облизывал её взглядом. Мышцы её лица, мимика, свидетельствовали о внутренних переживаниях. О страсти, о наслаждении, о силе ощущений, которым она отдалась здесь и сейчас. Я смотрел на лицо, скованное в мучительной гримасе и думал, насколько же похожи и одновременно противоположны ощущения страдания и блаженства. Эти сиамские близнецы разных полушарий, накалившие наши нервы, но с совершенно разным эффектом. Внешне они так похожи, но между ними пропасть.

Я ладонью прикоснулся к её щеке. С моим прикосновением мышцы моментально расслабились, как будто огромная океанская волна нахлынула на испещрённый канавами и бороздками берег и, отступая, идеально разгладила, превратив берег в гладкую, стеклянную поверхность. Я взглянул на сочные, пухлые губы приоткрытого рта. Лунный свет, казалось, так искусно смягчал и сглаживал их контуры, и при этом увеличивал их объем. Я провёл большим пальцем, желая убедиться в их реальности. Влажные, желанные, трепещущие, притягивающие губы, первая точка плотского познания, дрожали, как будто лихорадка держала их в своей беспощадной власти. Моя русалочка нежно, губами, гладила, целовала и покусывала мой палец. Она меня возбуждала, дразнила, всё с большей силой разжигая желания. Я ощущал её горячие, мягкие губы и влажный язык, заигрывающий не с частью моего тела, заигрывающего с моей душой, с моим сердцем.

Я наслаждался мельчайшими прикосновениями, электрическим разрядом, расстреливающим мой мозг. Прикосновениями, растворяющими меня в ней. Как мало надо для восторга души! Как много надо для познания своего блаженства! С каждым прикосновением этих страстных губ моё сердце сбивалось с ритма. Сердце разрывалось в желании определить темп этих хаотичных поцелуев. Ещё чуть-чуть и мои артерии просто лопнули бы, не выдержав такого давления.

Я обеими руками схватил её голову и так жадно впился в губы, как будто без этого мне невозможно дышать. Как будто её губы несут в себе живительный кислород, без которого я не могу жить. Моя принцесса невообразимой лунной ночи, не только возбудила до предела меня, но и сама сходила с ума от раскаляющей страсти. Это не был прекрасный, нежный, ласковый поцелуй. Это была оголённая, животная, истинная СТРАСТЬ. Та, что испепеляет душу. Разрывает нервы. Разрушает мозг. Это нельзя назвать поцелуем. Это огненная страсть. Момент истинного желания. Мгновение синтеза на уровне атома. Это сила рождения хаоса, космоса и звёзд. Новых, ярчайших звёзд любви, рождающихся и сгорающих за мгновение. Но оставляющих после себя свет такой силы, что порой другим долгожителям-звёздам за всю жизнь не дать столько энергии.

Мы пытались выпить душу, поглотить плоть, съесть разум друг друга. Мы задыхались от нехватки воздуха, но не было такой силы способной разорвать наши объятия. Жажда наслаждения за мгновение. Жажда познать глубину мира любимого человека за доли секунды. Через секунду смерть! С таким неистовством мы пытались отдать, всё что имели, всё что накопили, всё, что могли подарить друг другу. И если бы в эту минуту смерть решила поразить нас и бросить бездыханные тела на прохладный морской берег, то думаю, что лучшей смерти просто нельзя было бы желать.

Так быстро сорвать с себя всю оставшуюся одежду? Я да-

же представить не мог, что могу быть так поглощён прекрасным созданием. Я умудрился вырвать заклёпки «с мясом» на своём толстенном кожаном ремне. Разбросать отлетевшие пуговицы. Порвать джинсы. А рубашка... это уже не моих рук дело. Желанная, разорвала её «по живому» на мелкие тряпочки, целуя и впиваясь зубками в мою шею, плечи и грудь.

Она сидела сверху, плотно прижавшись своими бёдрами ко мне. Амазонка – воинственная, горящая, неуступчивая. Такая она была в тот момент. Такой я её и запомнил. Мы боролись, на равных, за право целовать и наслаждаться телом друг друга. Кроме страсти, кроме желания, наружу вырывалось ещё одно качество характера, объединяющего нас. Не уступчивость, упорство, упрямство, сила непреклонности характера, желание доминировать во всем, сверхэгоистичность натуры. Мы расценивали желанную плоть уже как свою, принадлежащую только нам. Только МНЕ! Без остатка. Без возврата. Даже мысль о том, что кто-то может хотя бы взглянуть на принадлежащее МНЕ тело, отвергалась мгновенно и безапелляционно.

Эгоизм? Да! Тысячу раз, да! Но созидательный, не разрушающий, дающий нам возможность почувствовать себя желанными, единственными. Поднимающий на пьедестал. Забрасывающий на «седьмое небо». Мы же ищем этого и зачем прикрываться ложными целями и ценностями? Мы хотим именно этого! Мы хотим, чтобы нас любили неистово, цели-

ком. И ценили, пускай мгновение. Этого будет достаточно, чтобы об этом помнить. И недостаточно, чтобы с этим жить.

Она приподнялась на колени, обхватив своими руками и крепко сжав мою голову. Прогнув спину и запрокинув голову назад, она предоставляла мне возможность насытиться запахом и вкусом своей груди. Я гладил, мял, целовал её. Я облизывал, сосал и обнимал губами её соски.

Раньше, я никогда не видел, мою лунную принцессу, но чувствовал, что изголодался именно по ней. По её телу, по запаху, по вкусу её кожи. И она дарила мне своё тело. Без стеснения. Без скромности. Без боязни, быть подверженной оценке. Поступай так же. Не бойся своего тела. Не страдай. Не сравнивай с несуществующим идеалом. Ведь львиная доля сексуальности приходит тогда, когда ты полюбишь себя, своё тело. Себя в любви, а не любовь в себе. Делай также и в твоей жизни появятся люди, желающие насладиться именно твоим телом. Жаждающие его познать и восхититься им, наперекор твоему удивлению.

– Не останавливайся! Целуй, гладь меня. Я хочу, чтобы твои глаза, губы, руки, всё твоё тело запомнили меня. Ту, которую ты чувствуешь и видишь сейчас. Без игры и притворства. Меня **НАСТОЯЩУЮ!** Ты единственный человек, познавший меня истинную. И я несколько об этом не жалею. Я тебя... она замолчала, закусив губы, боясь проронить слово. Боясь полностью себя обнажить. Боясь переступить необра-

тимую черту.

Вдохнув воздух полной грудью, она с решительностью и силой села на меня. Я ощутил, как мой «младший мозг» стремительно вошёл в неё. Я застыл, оцепеневший состоянием нахождения глубоко внутри желанного мною человека. Я со всей силой прижал её к себе. Застывшие тела, как оледеневшая роза. Без движений. Без сознания. Практически не дыша. И только сердца, лихорадочно стучащие в унисон. Забвение. Только мощные равномерные сокращения внутренних мышц её лона и моего перста. Это нужно испытать! Высшая степень возбуждения. Не наши тела, наши души, казалось, сейчас занимались любовью. Покинув бранные тела на «берегу души и иллюзий» и соединившись над седьмым небом. Души слившиеся в плотских страстях! Это что-то! Сейчас, спустя время, я думаю что, то был тот самый неуловимый, необъяснимый ментальный секс.

Это дико и необъяснимо, но мне не нужны были движения. Не нужно было лицезреть страстные конвульсии, обожяемого мною, существа. Не надо было менять позу и рассчитывать силу и глубину проникновения. Мне практически, не надо было дышать. Я смотрел прямо в раскрытые глаза моей русалочки. Глаза, наполненные небесного вдохновения, облачной нежности и страстной любви. Я читал в них всё, что ощущала она. И ловил себя на мысли, что тоже самое в хронологической последовательности происходит и у меня внутри. Без движений, но бурно, охватывая сознание и по-

глощая тело, приближался оргазм. Фантастика! Это не может быть реальностью!

– Как ты это делаешь!? Я не понимаю, что происходит!? – вырвалось из неё голосом такого испуга и недоумения. Глаза широко раскрылись, как будто что-то дикое и невообразимое она видела перед собой. Я физически ощущал как экстаз, буквально, поразил её. Если бы я сам знал, как это делается. У неё, просто, не было сил держать взгляд. Она зажмурилась, напрягая все мышцы лица и тела. Пару движений! Всего пару движений потребовалось для того, чтобы оргазм полностью, как лавина, накрыл с головой, обжигая её раскалённой кровью.

Она изогнулась дугой. И впившись пальцами в мои плечи, подняв лицо к ночному, чарующему небосводу, издала пронзительный крик. Крик облегчения. Крик счастья. Крик свободы, эхом отразившийся о величественные скалы лазурной бухты и моментально поглощённый шумом морского прибоя.

Её мышцы продолжали сокращаться, будто через них пропускали ток, а сама, русалочка, ослабев, склонилась надо мной, тяжело дыша. Я гладил её спину, целуя плечи и шею. Ворошил волосы и тихонечко шептал на ушко. Издавая такой же звук, который слышал в детстве от матери, убаюкивающей меня, склонившись над моей кроватью.

Нас обволакивала тишина. Не полная тишина, давящая на уши с пронизывающим писком, а умиротворяющая ти-

шина природы. Шум ветра и прибоя, сладко ласкающий ухо, расслабляющий нервы. Я плотно прижался губами к её лбу и закрыл глаза. Сейчас, в эту минуту, я жил этим ангелом. Я ощущал, насколько этот вечер перевернул и безвозвратно изменил нас, наш внутренний мир, наши ощущения. Мы изменились, но в какую сторону? Сможем мы жить после того? Что произошло между нами? Может, эта встреча высосала из нас все соки жизни? Может, мы теперь бесплодны, истощены душой? И этот невообразимый секс, или как его ещё назвать. Всё настолько не реально. Мне казалось, что мы уже мертвы, и это было соитие душ в том мире, в мире после жизни.

Это великолепие чувств, вдруг стало так пугать. Я ладонями обхватил её лицо, приподнял и посмотрел в любимые, изумрудные глаза. На меня смотрели доверчивые, перепуганные глаза ребёнка.

– Неужели она думает о том же самом? – подумал я. А чему, после пережитого можно удивляться?

Давай вернёмся в мир живых – сказал я, тихим и уверенным голосом, с доброй и нежной улыбкой.

Её глаза просто умоляли об этом. Она так доверчиво покачала головой и так мило улыбнулась растерянной улыбкой надежды, что я не мог сдержаться, не поцеловав её.

Мы снова окунулись в мир страстей и желаний. В мир счастья и вожделения. В мир тысячи звёзд и одной луны. Наши сердца вновь ожили. Нервы вновь пульсировали под горя-

чей кожей, доказывая нам, что мы живы. Дыхание вновь выплёскивало жар изнутри. А голоса вновь выдавливали стоны любви, разбрасывая их по берегу, отражая о скалы и унося к далёкому горизонту ночного моря.

Каждый из нас познал силу истинного желания и теперь всей душой радовался ощущениям плоти. Ощущениям земной радости. Такой понятной. Такой простой и незатейливой.

Я просунул руки под её коленями, крепко держа за бедра.
– Держись крепче – произнёс я в полголоса.

Она еле успела обхватить мою шею, когда я встал во весь рост, держа на руках самое дорогое, чем обладал доселе. Я продолжал ритмичные движения, но теперь полностью контролируя всё. Буря восторга, наслаждения и экстаза захватили нас.

– Не останавливайся! Глубже! Сильнее! Я хочу тебя! слова сквозь стон вырывались из её уст. Темп? Медленнее, чем обычно, но насколько глубже проникновение...

Мне казалось, что с каждым ударом я всё ближе пробивался к её сердцу. Держа крепко и нежно, это сокровище, в руках, я не мог насытиться. Я страдал жаждой любви. Болел страстью к её желанному телу. Глотал нежность её губ. Я пил сок её жизни. Я даже не заметил, как поглощённый, моей королевой, вошёл в море, держа на руках, мой бриллиант. Я не чувствовал прохладу воды, скользкие камни морского дна, вибрацию гладких волн. Перед глазами только ОНА!

А вокруг что-то незначительное.

Я с новой силой ощутил дрожь в теле, безумное биение сердца и подступающую, безудержную волну экстаза. Мышцы готовы были разорваться. Даже при всем поглощении мною этим безумным действием. Даже ощущая приближение, его величества, оргазма, я ощутил невыносимую, тупую боль в мышцах. Но, отбрасывая эти назойливые ощущения, я продолжал приближать момент высшего наслаждения. Я не знал, насколько близок оргазм к моей принцессе. Я полностью положился на ту интуитивную нить, давно уже связавшую нас.

– Давай вместе! – задыхаясь, выплеснул я. В ответ только безмолвное согласие, кивком подтвердила она.

И в этот момент, практически на пике наивысшего, я почувствовал, что мы глубоко в воде. Я не мог уже сдерживать себя. Оргазм извергал из меня семя.

– Задержи дыхание! – всё, что успел выкрикнуть я. И наклонившись вперёд, крепко держа друг друга, мы падали в воду под сладострастное действие оргазма.

Прохладная, кристально чистая вода приняла наши обожжённые страстью тела, сомкнувшись тишиной над нашими головами. Мы погружались на дно моря, на дно разума. И одновременно поднимались на вершину блаженства, счастья, вдохновения.

Оргазм сковал наши мышцы. Поглотил наш разум. Связал

наши сердца. Воздух? Я в то мгновение даже не знал, зачем он нам нужен. Мне хотелось дышать её. Мне не нужен был воздух. Мне нужна была только ОНА. Женщина – подарившая мне счастье.

Вращаясь под водой в морской невесомости, мы не чем небыли обременены. Даже силой притяжения. Мне казалось, что моя кровь потеряла направление своего неизменного движения и просто пульсировала, не двигаясь в какую-либо сторону. Я отчётливо, в висках, ощущал каждый стук моего сердца. Я всё ещё был в ней. И когда нехватка кислорода стала нестерпимой, моя русалочка, подтянулась, и крепко поцеловала в безмятежном подводном поцелуе.

Мы, как два ошалевших дельфина, стремительно рванули на поверхность. Первый глоток воздуха с безумной силой и жгучей болью ворвался в лёгкие. Наверное, подобное чувствует новорождённый. Но, в отличие от ребёнка, ни крик с плачем, а безумный смех вырывался из нас. Смех счастья, радости и эйфории. Мы, пережив смерть, вновь живы, счастливы этой минутой! Этим вечером! Этим морем! Этим миром!

Мы долго плавали, наслаждаясь безграничной свободой, и не отпуская друг друга ни на секунду. Мы замирали в поцелуях и наслаждались прикосновениями наших мокрых, прохладных, скользких тел. Мы дарили радость и, казалось, заразили весь берег счастьем. А потом, поцеловав воду, так любезно принявшую нас, выбрались на берег. Я сел на пе-

сок. Она упала обессиленная мне на руки. Мы рассказывали друг другу смешные истории из жизни, анекдоты. Делились впечатлениями о своих любимых книгах, фильмах, музыке. Просто болтали и были счастливы. Радовались ветру и луне. И благодарили судьбу за царственный подарок.

Время текло так безмятежно. Так плавно накатывались волны на НАШ «берег души и иллюзий». Так тепло согревал нас морской, южный бриз. Но счастье быстротечно. Идиллия – временное состояние.

* * *

Я вздрогнул, услышав, ещё далёкий, но нарастающий звук моторной лодки. На моё напряжение мускул моментально отреагировала, моё лунное счастье. Она приподнялась, с ужасом всматриваясь в прибрежные скалы, из-за которых доносился этот зловещий вестник разлуки. Её рука впилась в мою ногу, прижимая её к себе. Счастье, недавно так прекрасно нежившееся на её лице, моментально улетучилось. А на смену пришла та самая печаль, которая так глубоко таилась в первом её взгляде, уже вечность назад.

– Это он – тихо пробормотала она с такой грустью, с такой неподдельной досадой. У меня ком подступил к горлу. Я почувствовал, что уже потерял своё счастье.

– Кто он? – я еле выдавил из себя эту нелепость, прекрасно понимая, кто плывёт на этой распроклятой лодке.

Она не ответила. Да и это не имело никакого значения. Она обернулась ко мне и посмотрела таким душераздирающим взглядом, глазами полными горечи, безысходности и отчаяния. Моё сердце резали на мелкие куски тупым, беспощадным, ржавым лезвием. Я не мог смотреть в эти глаза боли. Не выдержав, я закрыл свои. Я почувствовал, как всё её нутро, со всей силой, что могла быть собрана, прижалась ко мне.

Я знал ответ и на следующий вопрос, который хотел задать и который как гильотина должен был разрезать мою душу насквозь.

– Можно что-то изменить? – ожидая последнего удара, спросил я.

Она судорожно покачала головой, всё так же крепко прижимаясь ко мне и тихо заплакала.

– Нет. Это моя судьба – уткнувшись в грудь, на пределе нервного срыва, выдавила из себя она.

Я получил свой предсказуемый, необратимый, горький удар. Моя голова совершенно перестала соображать, и только одна мысль высасывала, разрушая мой мозг. «Я теряю свою жизнь, свою любовь, своё счастье».

Последние минуты, отведённые нам роковой судьбой, мы провели в гробовом молчании, вцепившись мёртвой хваткой, друг в друга. Мы прощались. Прощались с нашим счастьем. С нашей жизнью. И одновременно встречая себя ран-

них. До встречи. Встречали своё выплывающее волчье одиночество. Встречали свои холодные, безжизненные души. Но если раньше у нас теплилась надежда на встречу, то теперь не осталось и её.

Прожектор на моторной лодке уже выдёргивал ночь, оголяя куски нашего берега, нашего мимолётного рая. Уже доносились крики «ищущих», мою принцессу. Мою? Уже не мою. Моя принцесса останется в растерзанной душе.

Мы быстро оделись, даже боясь посмотреть друг другу в глаза. Боялись не оттого, что сделали что-то грешное и не пристойное, а оттого, что смотреть в глаза, значит, дарить невыносимую боль. А это жестоко. Жестоко для людей, сумевших полюбить друг друга и прожить огромную жизнь за пару часов.

Я повернулся к лестнице, ведущей к моему дому, как вдруг, почувствовал лёгкое прикосновение руки моей любимой всё такой же тёплой и нежной. Я повернулся, но она отвела взгляд. Я заметил, как блестят на её щеках слезы, приглаженные лунным светом. Не поднимая глаз, она протянула мне мой мобильный телефон. Я протянул руку, чтобы ещё раз дотронуться до неё, но ангельская рука выскользнула. Она развернулась и пошла навстречу своей судьбе. Прямоком в воду. Не оглядываясь.

Я провожал её взглядом. Наблюдал, как с лодки кто-то спрыгнул и бросился к ней. Обнимая и целуя ту, которая должна была принадлежать мне.

Взбежав по лестнице, я вскочил на террасу, желая насладиться последними каплями моей ускользящей жизни. Я смотрел на отплывающую лодку, пытаюсь проглотить ком, распирающий моё горло. Мои глаза горели. Их сжигали слезы. Горячие и одинокие. Слезы ускользнувшего счастья, боли и одиночества.

Когда лодка скрылась из вида, я взглянул на свою правую руку, в которой так удобно лежал «мой призрак цивилизации». Я собрал всю злость, всю свою ненависть на судьбу, подарившую и тут же забравшую у меня ЧУДО. И размахнувшись, швырнул далеко в море «нить, связавшую меня с миром счастья и скорби».

Впереди воскресенье. У меня ещё один день без цивилизации. Спасибо судьба, что подарила мне настоящее счастье. Что дала мне пожить и подышать свободой. Что подарила мне мгновение рядом с лунной принцессой.

Я вошёл в дом. Оглянулся, и меня вдруг накрыла такая тяжёлая волна отчаяния и безысходности. Боль разрывала сердце от мысли, что я больше её никогда не увижу. Я, не помня себя, выбежал из дома, вскочил в машину и рванул, утапливая в пол педаль газа. Я нёсся по извилистому серпантину крымской дороги, пытаюсь остудить горящее сердце. Сердце, обожжённое НАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНОЙ, сделавшей из мальчишки НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ.

«Эдельвейс»

Сколько бы ни существовал этот город, столько же эта жемчужина Чёрного моря будет оставаться излюбленным местом охоты Амура. Попадая сюда, тебе кажется, что каждый камень мостовой может рассказать неизвестную, удивительную, полную чувств и эмоций прекрасную историю любви, которую ему удалось подсмотреть за долгое время пребывания в этих местах. Узенькие улицы, карабкающиеся в горы, вдоль которых теснятся старые дома, напоминают ванты фрегата. Если пробираться по ним всё выше и выше, то можно дотянуться до небес, а если спуститься, то обязательно попадёшь к изумительному, ласковому морю, залитому солнечным светом. Миниатюрные, тенистые переулки, создают впечатление какой-то таинственности, интимности. Здесь отсутствует суета. Время течёт свободно и не торопливо.

Когда я выбираюсь в Ялос, греческое название Ялты, я стараюсь побродить по этим улочкам и переулкам.

Складывается впечатление что набережная и весь остальной город живут разными, совершенно непохожими жизнями.

На набережной «жизнь бьёт ключом». Даже в полуденный зной здесь многолюдно. Уличные актёры, под безжалостно палящим солнцем, стараются удивить своим искус-

ством и особенно выдержкой, туристов, важно, с чувством собственного достоинства, проходящих мимо. Как-то я попробовал постоять вот так, как они, под солнцепёком, пару десятков минут и после этого моё уважение к творцам эмоций резко возросло. Но для туриста это одна из деталей декорации шоу-программы, под названием, Ялта.

Если набережная это сцена грандиозного спектакля, то соседние переулки это «гламурный рай». Не помню, как давно это произошло, кажется, что очень давно, но в один из таких же заурядных «сезонов» один из очень известных модельеров с мировым именем решил, в плане эксперимента, открыть в одном из таких прилегающих к набережной Ялты улочек, свой бутик. Он выставил самую последнюю свою коллекцию одежды. О, я помню, сколько было пересудов тогда по этому поводу. «Эксцентричный чудак. Он решил, что Ялта это что-то вроде Милана», «Да уж теперь Европа будет ломиться за шмотками в Ялту», «Да ничего у него не выйдет. Достаточно осведомиться в какую цену обойдётся брючный ремень и химическая завивка обеспечена на целых два месяца», «Может, наши сверхпредприимчивые аборигены напоили его так, что он дал своё согласие, и отправили беднягу, пока тот не пришёл в сознание?» Но как бы там ни было, бутик заработал, да так, что к следующему сезону, рядышком возникли бутики не менее почтенных в мире имён. Ну, а там где появляются «кошельки» за определёнными вещами, грех не предложить весь спектр товаров и услуг.

Ювелирные, обувные, галантерейные и прочие магазинчики встали в плотные ряды за кусочками шуршащих бумажек, исправно осыпаящих этот район на протяжении всего мимолётного сезона, да и после него. Кстати, большим плюсом оказался и тот факт, что от этих улиц веет какой-то конфиденциальностью, и в непосредственной близости от набережной. Как не крути, но эта публика не очень-то любит многолюдные места и ажиотаж. Больше всех возникновение такого фешенебельного квартала пришлась по душе как раз мужской половине элитарной публики. Прекрасно, что можно полдня побыть в спокойной обстановке без своих обожаемых половинок. Хотя сильная половина человечества всё же присутствовала на улицах этого района, но в большинстве случаев это были, так сказать, «зоркий глаз и крепкие руки», то есть всевозможные телохранители, секретари или просто службы безопасности частного характера. Но, как не называй, всё равно выходит дорогостоящий носильщик.

Вот и в тот день я медленно прогуливался по этим узким улочкам, как и всегда, наслаждаясь тишиной и безмятежностью летнего Ялоса. Полуденный зной уже пошёл на убыль и я решил потихоньку перебраться на набережную в ряды торговцев сувенирами и прочими полезно-бесполезными безделушками, создающими мимолётную радость и плавно опустошающими твои карманы. Хотя это не совсем так. Среди тотального присутствия всевозможных изделий из «родного» Китая, причём с видами, атрибутикой и названиями

крымских мест, попадают и изделия местных мастеров ручной работы. И чем больше разрастается ассортимент, поставляемый из-за рубежа, тем более оригинальные работы превосходного качества приходится создавать местным мастерам. И вот за этими работами я вёл охоту. Я не могу назвать себя большим ценителем искусства. Тем более терпеть не могу поголовное челобитье новомодным гениям. Да, когда ещё видишь в глазах «ценителя» полное непонимания того, что он восхваляет, мне приходится всеми силами сдерживать неприличные приступы смеха.

Я спускался по улице выводящей меня как раз к тем самым рядам с сувенирами. Медленно и вальяжно мимо меня проплыл новенький Lexus и остановился в полутора метрах. Из распахнувшейся передней двери водителя выскочило квадратобразное существо. Слегка подпрыгивая, будто любовь к скакалке в боксёрском зале осталась у него навсегда, «крепкие руки» обогнул машину сзади и чинно, в полупоклоне, приоткрыл заднюю дверцу super-car, предоставив возможность всем желающим, в моем лице, оценить великолепие кожаной обивки салона. «Сейчас будет разворачиваться мизансцена с эффектным появлением „солнечных очков и дорогого каблучка“» – подумал я. И, решив лишиться «актёров» зрительских симпатий, отвернулся, направив свой взгляд на фасад дома, напротив, через дорогу. Конечно, мне было любопытно, кто же выплывет из машины. И моё боковое зрение, естественно, наблюдало за всем происходящим.

Но ему пришлось ещё больше напрячься после того, как мой мозг стал сопоставлять образ этой женщины с уже покоящимся в глубине сознания образом давно забытым. Я сглотнул ком подступивший к горлу, дабы не крикнуть вслед. Сомнений не было. Русалочка? Движения, походка, силуэт, удаляющийся от меня, правда, не так далеко, как три года назад, идентичны тем, что врезались в мою память, не давая жить всё это время. Я не ошибся на счёт очков и каблуков, но это была она. Та, которая приходила во снах. Та, которая не давала свободно дышать. Та, по которой безумно скучает мой «берег души и иллюзий».

Я почувствовал как холодный пот, собравшийся на затылке, медленно стекает по спине, а грудь стал распирает невыносимый жар. Я не знал что делать. Забежать в тот магазин, куда скрылась самая желанная? Остаться здесь и дожидаться, когда она выйдет? И то, и другое крайне глупо. Если она меня сейчас увидит, какой бы не была её реакция, но этот со скалкой, наверное, не всё время проводил в спортзале. Школа в его биографии всё же имеется, оставившая, как рубец, пару извилин на его почти идеально гладком сером веществе. Эти рубцы и направят его перемолвится с хозяином о странном поведении суженой. А так, как она в последний раз говорила о неминуемости её судьбы с тем самым, то вряд ли стоит прямо сейчас возникать в форме большого сюрприза, способного ввести в глубокий ступор.

В течение двух, трёх минут я стоял, не зная как посту-

пить. В голове роем метались всевозможные мысли и даже фантастические. К примеру, постараться вырубить каким-то сверхъестественным способом этого «руки, ноги, колобок» и, вскочив в машину, увести долгожданную. Но лучшего способа, чем вернуться и ждать, всё равно не было. Так я и поступил. Я бросился назад к своей припаркованной в паре кварталах отсюда машине. На бегу я соображал о том, что нужно проследить, где же она остановилась и сделать это нужно незаметно. Хорошо сказано! Особенно при том, что таких машин, как у меня, пруд пруди в Ялосе. И так частенько замечаешь, как нас с монстриком оценивают, а тут мы – незаметные шпионы. Но где же выход?

Вот он! Я остановился как вкопанный, не веря в свою удачу. Ко мне на встречу, выворачивая с набережной, с семьёй и двумя огромными арбузами под мышками, шёл мой друг. Не совсем друг, конечно. Точнее друг моего приятеля. В общем, пару раз мы принимали вместе «на грудь». Но, к счастью, меня с ним видела его жена. И шапочное знакомство кое-какое у нас всё-таки имеется.

Я сменил галоп на быстрый шаг и направился в сторону семейства. Друг моего приятеля – человек крупной комплекции, невысокий, с короткой стрижкой, пивным животом и симпатичными складками на затылке. В общем можно понять по комплекции очень весёлый и добродушный человек. Надеюсь, его добродушие продержится ещё минут пятнадцать.

Я судорожно вспоминал, как же его зовут. Михаил, Анатолий, Леонид..., короче, Епифаний. Так и не вспомнив и не подобрав ничего похожего, я растянул улыбку от восьмёрки до восьмёрки и распахнул свои объятия.

– Как приятно вас снова видеть. Да ещё на курорте. В таком замечательном городе. Вы в отпуске?

Было крайне удачно, что и отец семейства и его супруга меня вспомнили и так же расплылись в улыбке.

– Да, – затянул он. – Но мы приехали в Ялту на один день. Уже собираемся с трофеем назад – покосившись на арбузы, гордо заулыбался он.

– Можно тебя на минутку, – виновато взглянул я в сторону семейства, слегка взяв его под локоть и развернув чуть в сторону, придавая ситуации некую конфиденциальность.

Он немного наклонил голову в мою сторону и подставил ухо поближе к моему рту.

– Конфиденциальность – дело серьёзное, – пробормотал он.

– Ты извини меня, что отрываю тебя, но у меня дело жизни и смерти и без твоей помощи не обойтись.

В этот момент, добродушный глава семейств выпрямился, ещё больше напрягая слух, и сдвинул брови к переносице.

Проявление уважения – подумал я. Это мне уже нравится. И, надеявшись на благополучный исход дела, продолжил.

– Дело в том, что мне надо проследить за одним человеком, начал я, – как тут наш толстячек расплылся в широчен-

ной улыбке.

– Человек женского пола? – посмотрев мне в глаза лукавым взглядом, поинтересовался он.

Откуда они все, всё знают. У меня что, на лбу написано?

– Ну у тебя и прозорливость! – подыграл я. А что оставалось делать?

– Да, я такие вещи чувствую нюхом, – надо было видеть, какая гордость воцарилась на его лице. Хотя я был уверен, измени он жене и чувство вины его просто сожрало бы. Но в данную минуту мне надо от него только одно. И чем больше я смогу его расположить к себе, тем лучше.

– И в чем тебе нужна помощь?

– Одолжи мне свою машину на пару часов. И я растянулся в улыбке, насколько хватало моих мышц.

Первый раз в жизни я видел такую реакцию. Точнее не реакцию, а мимику лица. Глаза, любителя арбузов, просили о пощаде и умоляли не подтверждать то, что ненароком услышали уши. Брови стали собираться в кучку, пытаюсь заставить продуктивно поработать мозги, которые всецело были под властью приятных мыслей об воображаемых интрижках. А рот просто раскрылся, скорее всего для того, что бы не перегрелись все остальные, напряжённо работающие, механизмы.

– Но мы собрались домой, – с трудом выдавил он.

– Может, ещё немного погуляете, по набережной, – как бы размышляя, настаивал я. – Я постараюсь как можно быстрее.

Возьми, на всякий случай ключи от моей машины.

Это я зря сделал. Его глаза округлились, и на лице выступил неподдельный страх.

– А что это за всякий случай?

– Да нет ни какого случая. Просто, тебе будет так спокойнее, – всеми силами постарался приободрить я и аккуратно сунул ключи ему в карман.

Тут, неожиданно, включился его мозг. Вероятно, мысли-интрижки закончились.

– Но мы уже собрались домой. Ты же знаешь, я тебе отказать не могу, но вот она, – он покосился в сторону жены. – Что я ей скажу? – посмотрел он на меня с лицом от Шуры Балаганова.

– Я ей сам всё объясню, – подбодрил я и пока он не передумал, поинтересовался, где ключи.

Он махнул ключами из-под арбуза.

Когда, долгожданные ключи упали в мою руку, я вздохнул с облегчением. Основную часть оперы мы отыграли, теперь осталась увертюра.

Мы развернулись к «последнему бастиону». Полушёпотом я поинтересовался об имени многоуважаемой супруги.

– Лариса Степановна, – ответил Епифаний.

Мы оба расплылись в дурацких улыбках, явно свидетельствующих о какой-то малоприятной для её ушей просьбе.

– Лариса Степановна, дело в том, что мне очень нужно передать директору вашего мужа важные документы, но, к со-

жалению, я должен сегодня остаться здесь. Ваш муж любезно согласился подождать полчаса, пока я не привезу бумаги, и отвести их в Симфи (аборигенское название Симферополя), – всё это было выпалено мною с напускной серьёзностью.

Лариса Степановна прожгла глазами собственного мужа. Всё, что он мог ответить, это скопировать всё ту же удивлённо-идиотскую гримасу а-ля Шура Балаганов. Она перевела взгляд на меня, уже совершенно не опасный, т.к. все молнии угодили в рядом стоящий громоотвод с арбузами.

– Мы, конечно, с удовольствием поможем Вам, но вот дети так устали..., – и она погладила по голове старшенькую дочь.

Что за семья «стрелочников». Каждый старается переложить на другого ответственность. Теперь вот, пожалуйста, ещё маленький «бастиончик».

Я присел на корточки.

– Здравствуй, очаровательная Белоснежка, – замурлыкал я.

– Я не Белоснежка. Я Верочка – выпалил, с уточнениями, ребёнок.

– Ты просто такая красивая, что я подумал: «Вот настоящая Белоснежка». Ты была на аттракционе компьютерных горок? Он там, в конце набережной.

– Нет, – и у ребёнка уже загорелись глаза.

Тут в разговор вклинилась Степановна: «Мы стараемся

оградить по возможности наших детей от компьютеров». Но Боги меня уже услышали. Верочка моментально начала ныть с просьбой о компьютерных горках. И Степановна смеялась с мыслью пробыть ещё на набережной около часа. С чувством полного удовлетворения от гениально провернутой аферы, я повернул к машине и краем уха услышал последние фразы семейства.

– Мама, ты будешь меня называть Белоснежкой?

– Ага. А твоего папу – семью гномами. Или кто там у нас приходит на помощь?

– Чип и Дейл! Восторженно, в один голос, подсказали дети.

* * *

Найти авто моего нерешительного спасителя было совсем не сложно. Я вспомнил как друзья, рассказывая новый анекдот с упоминанием о старом автомобиле, частенько ссылались на авто Паши. Ну, точно, его зовут Павел! Достаточно было вспомнить об автомобиле и имя хозяина, как из параллельного мира, всплыло в памяти. Когда я вынырнул на улицу, то среди аккуратно припаркованных машин лишь одна не вписывалась в стройные ряды. Хотя в этом месте могло бы поместиться три машины, и даже значительных размеров, но на деле красовалась лишь одна. Она стояла ни параллельно, ни перпендикулярно бордюра. Даже не «ёлочкой»! Уве-

рен, что каждый, кто пытался поместиться рядом с ней, восклицал в сторону колхозника сумевшего отвоевать на подступах к Сталинграду столь вольготные условия VIP-зоны. Я заулыбался, наблюдая за манёврами очередного «кошелька» недоумевающего о том, что мир крутится не только для него и ему подобных. Вот наглядное пособие прелести социализма. Так и не придумав достойного решения для этой геометрической загадки, ни с чем он медленно проплыл в поисках земли обетованной.

Я направился к временнообретённой шпионской технике. Передо мной красовалось гениальное произведение московских зодчих автомобилестроения. Вот именно. Техническое совершенство всех дачников. Легендарный «Москвич». И что особо приятно, цвет. Нейтральный такой, зелёный цвет. Может Паша, действительно, дачник? Такой цвет, молодой зелени, может вдохновлять его владельца, даже когда на дачных грядках всё сохнет и не растёт. Я сильно удивился, если бы ключи не подошли именно к этому «варягу». Но всё нормально. Запрыгнув в машину и повернув ключ зажигания, я приоткрыл окно, прислушиваясь к звуку глушителя. Мне показалось, что звук железного коня немного превышает допустимые нормы. Но, вероятно, я забыл, как должен звучать настоящий властелин грядок. Выбраться было совершенно просто. Ещё бы! Я набрал скорость по направлению к заветному переулку. Главное не опоздать.

Два квартала пролетели как мгновение. Вывернув на те-

нистую улочку, я увидел тот самый Lexus медленно отплывающий от переулка вернувшего мне надежду. На мою удачу, водитель кожаного салона вёл свою яхту на колёсах очень умеренно. С одной стороны, и не мудрено по таким узким улицам, но с другой, уникамы, любители продемонстрировать мощь мотора, на улицах Ялоса присутствуют в изобилии. Я плавно пристроился за VIP-ом, с надеждой ещё раз рассмотреть хотя бы силуэт, сидящей на заднем сидении Русалочки. Но тонировка не оставляла мне ни единого шанса. Так мы двигались в незримой связке, выбираясь из миниатюрных улочек на главную артерию Ялты. Выбраться в связке на основную магистраль не так то и просто. На самом деле центральная дорога Ялоса не слишком отличается от прилегающих улиц своей шириной. Две полосы в одну и другую сторону. А если учитывать тот факт, что парковка во всех мыслимых и не мыслимых местах, дело совершенно обыденное, то при любом раскладе двигаться приходится в одном спасительном ряду.

Чего я боялся, то и произошло. Ещё раз убеждаешься, что дурные мысли воплощаются в жизнь с завидным постоянством и значительно чаще, чем добрые. Я не смог вырुлить на главную сразу же за Lexus-ом. Добродушные водители пропустили его, едва чёрный капот показался из-за поворота. Ну а меня, как настоящего ценителя огурцов, помидоров и картошки просто не заметили. Пришлось доказывать всем своё пролетарское происхождение. Нагло, но крайне эффек-

ТИВНО.

К сожалению, как я не старался, но нас постоянно разделяли шесть, семь машин. И это расстояние ни как не хотело сокращаться. Впереди замаячило последнее препятствие свободного движения. Трёхглазый светофор. Я прикидывал время переключения его разноцветных глаз. Мои расчёты были достаточно точны. Я понимал, что на жёлтый я всё же успею проскочить и продолжить моё вынужденное преследование. Но какое же разочарование меня ждало. Кожаный салон, как и полагается, спокойно проехал на зелёный сигнал светофора. Загорается жёлтый, под который проезжают ещё пару аборигенов, даже не сомневающих в своём статусе хозяев дорог. А передо мной загораются задние стоп-сигналы такого же, как и мой «Москвич», хозяина огородов. Какого чёрта! Я готов был съесть свой руль и при этом растоптать все грядки Крыма. Вот повезло, так повезло. Я как только мог, сдерживал себя, чтобы не рвануть в объезд колхозника прямо на медленно переходящих дорогу пешеходов. Было больно наблюдать, как чёрный, мощный корабль набирает обороты и исчезает за поворотом, уходя напрямиком на трассу.

В следующие секунды я почувствовал себя гонщиком на старте очередного Гран-при. Теперь я точно знаю, жёлтый сигнал светофора самый долгий. Казалось, что светофор просто заснул или ему просто нравилось меня дразнить мигающим жёлтым цветом.

– Да включай же ты зелёный, – проорал я.

Две секунды потребовалось мне, что бы вывернуть руль и сорваться с места в объезд грядкочёса. Я разогнался, переключая скорость, и пытаюсь раскочегарить «Москвича», который уже явно забыл, что с ним могут происходить такие вещи. Вылетая на трассу, пришлось решать в какую сторону двигаться. Вправо или влево. Интуитивно повернул налево. Я улыбнулся, подумав, куда же ещё меня могло бросить интуитивно. Куда угодно, но обязательно влево.

Как я ни старался, но след Lexus-а был потерян. Проехав ещё километров десять, я ни с чем повернул запыхавшегося старенького коня в Ялос. Безвыходных ситуаций не бывает. Должно быть какое-то решение.

Вернувшись, я нашёл заточенное в набережных радостях семейство. Я передал Павлу папку с пустыми листами, приобретенную в ближайшем канцелярском лотке. Выражение моего лица было деловитым. А добряк Павлуша терялся между серьёзностью переданных ему бумаг и жгучим желанием узнать подробности моей погони. Понимая, что его зубы с трудом удерживают язык, я уточнил, что некоторые бумаги я не успел собрать. Спасибо тебе Паша, ты можешь быть настоящим другом. Надо было видеть какое неподдельное разочарование и сожаление проступило на его вспотевшем лице. Он, действительно, расстроился, что моя погоня закончилась неудачей. Покосившись в сторону своего Фердинанда, жестом показал: «Не машина его стала причиной неудачи?». Я бросил в ответ красноречивый жест: «Маши-

на – класс».

Пожелав, приятной поездки семейной паре я побрёл вдоль набережной, пытаюсь найти какое-нибудь удобоваримое решение в сложившейся ситуации.

Мой путь лежал к тем самым рядам с сувенирной продукцией. Как не развивались события сегодняшнего дня, всё равно пришёл я к той же цели, которую поставил себе полтора часа назад. Я медленно плелся вдоль ресторанчиков набережной Ялоса. Хотя жара уже пошла на убыль, всё же солнце достаточно изрядно припекало. В такие моменты тебя может накрыть волна горечи и отчаяния. Но как бы ты не рвал свои нервы на кусочки, как бы не терзал свою душу, эти переживания делу не помогут. Самый лучший вариант сейчас просто отвлечься и занять себя любимыми мало-мальски положительными эмоциями.

Проходя рядом с причалами, я увидел толпу зевак, образовавших круг, в центре которого клоун устраивал представление. «Клоун, детство, положительные эмоции – вот что нужно» – подумал я. Пробравшись в первые ряды, я ещё раз поразился выдержке артиста. От палящего солнца по щёкам творца эмоций стекал пот, но он как заведённый продолжал выступление, не обращая на эти обстоятельства ни малейшего внимания. Как бы не было тяжело, но артист должен оставаться артистом. И шоу должно продолжаться. Прямо как в жизни.

Номер творца заключался, собственно, в блестящем жон-

глирования небольшими красными шарами. Клоун замирал и после того, как в его шляпу падала монетка, красные шары взмывали ввысь, описывая круги невообразимой сложности. Спустя какое-то время шары также незаметно исчезали в руках жонглёра. Наблюдая за зрелищем с почтенного расстояния, можно было заявить легковерным туристам, что это новая модель японского робота-жонглёра.

Странно, но сейчас, наблюдая за парящими шарами, мне как-то легче было соображать. И поэтому, когда клоун в очередной раз замер, как вкопанный, я машинально достал деньги из кармана и опустил в шляпу моего генератора мыслей. Но действие не начиналось. Небольшое замешательство метателя шаров? Я проследил направление его взгляда. Он смотрел в собственную шляпу и не двигался. Тут только до меня дошло. Сумма, небрежно брошенная мной, была достаточно велика. Но я не делал никаких действий, а значит шоу должно продолжаться.

На этот раз из жонглёра струилась такая энергия, что даже в моем сером веществе стали проявляться какие-то мысли. Надо ему ещё подкинуть, промелькнуло в моей голове, так как мне показалось, что я уже нащупал заветную мысль. Представление продолжалось раза в три дольше. Когда же он всё-таки остановился, я направился к шляпе подбросить немного денег. Укротителю шариков ничего не оставалось делать, как только продолжить своё представление с тем же энергетическим зарядом.

В этот раз он продержался чуть меньше, но всё же достаточно долго, чтобы я ещё раз поразился его физической подготовке. Но в моей голове пока мысли не предстали в стройные шеренги. И я двинулся в центр с очередной порцией искusstителей.

– Не надо! – сквозь зубы выдавил клоун.

Я поднял голову, желая посмотреть ему в лицо. Он очень тяжело дышал и выглядел крайне измождённым. На расстоянии этого совершенно незаметно.

– Это Вам, – перебивая дыхание, произнёс он, и протянул мне красный шар.

Я взял шар в руки. Он оказался полым и внутри что-то болталось. Но когда я его вскрыл, меня охватил ступор. Все мысли в голове сразу же приняли кристаллические очертания. Внутри шара лежало кольцо. Простенькое такое из белого металла. Но насколько дорога была для меня эта подсказка. Я растянулся в лучезарной улыбке и, не раздумывая, рванул к переулку своей надежды.

* * *

Пробежав квартал, я свернул в тот самый переулок и остановился перед дверью салона, открывающего мне дорогу в небеса.

Переведя дыхание, я вошёл внутрь. Внутренний интерьер выглядел так же презентабельно, как и внешний. Преобла-

дание пастельных тонов и дорогого отделочного материала, всё это умиротворяло и настраивало на положительные эмоции. По восприятию можно было сравнить с живописнейшей, дикой бухтой залитой ослепительным солнечным светом. Местом, напоминающим земной рай. Местом, приходящим в самых желанных снах. И только единственная деталь создавала диссонанс – ледяная, сводящая мышцы вода. Такая картинка крайне точно отражает суть вещей. Проработанный до мелочей интерьер, мягкое освещение, улыбающийся персонал, но из каждого уголка этого великолепия веяло холодом. Холодом, который способны создать только деньги. Если захочешь пройти через материальный лакумус, то это одно из таких мест, где стоимость улыбки персонала эквивалентно сумме потраченных денег. И чем лучше нюх продавца, тем выше его квалификация. Время – деньги. Как же точно подходит это выражение вот к таким местам.

Я остановился около входа, пытаюсь выловить глазами управляющую магазина. Посетителей не было и, естественно, взгляды хранительниц храма prêt-à-porter сфокусировались на моей скромной персоне. Меня оценивали. Терпеть не могу эту экзекуцию, но что я мог поделать. Таковы правила этой игры. Я молчал, ожидая, что ко мне подойдут. Не буду же я общаться со всем залом.

Развернувшись на носках, в мою сторону направилась сама грация, без преувеличений. Её деловой костюм настолько идеально облегал фигуру, что были заметны малейшие де-

тали плавных движений. Искушённый женской красотой, я не мог не отметить, что дефиле, вероятно, также является частью её профессии. Она остановилась в двух шагах. И меня ничуть не удивило отсутствие на её лице даже намёка на улыбку. Ну правильно, я же только зашёл. Одновременно с восхищением, меня терзали мысли о том, что её я уже где-то видел. Но где и когда?

Сложив ладони лодочкой, она слегка, чуть заметно приподняла брови. Округлившиеся глаза стали ещё более выразительны и красивы.

– Чем могу помочь? – всё так же без улыбки поинтересовалась она.

– Не найдётся ли у Вас немного воды? – начал я. – Я так любовался Вашей грациозной походкой, что теперь не могу продолжить разговор, – тут я перешёл на наигранный хрип, – в горле пересохло, – и я прихватил рукой своё горло.

А кто-то говорит, что в мире решают всё деньги. Она очень мило мне улыбнулась. При этом я ещё не за что не заплатил.

– Вы, случайно, не преподаёте дефиле. Я бы с удовольствием поучился, – продолжал я наращивать обороты.

Вот теперь я был награждён живой, искренней, настоящей улыбкой от сердца.

– А серьёзно? – не переставая светится, поинтересовалась она.

– Серьёзно? Пару часов назад к вам заходила женщина

в молочно-кофейном брючном костюме.

– В босоножках Gianmarco Lorenzi, приехавшая на Lexus чёрного цвета? – продолжила она, и в её глазах проблеснул огонёк.

– Насчёт босоножек не скажу, а вот Lexus был точно.

– Да, конечно помню. Это одна из постоянных наших клиентов.

«Постоянных» мне нравится это слово.

– И чем я могу помочь? Ей или Вам? – и она ещё раз взглянула на мою правую кисть. Первый раз она посмотрела как только приблизилась ко мне.

– Дело в том, что у неё совсем скоро день рождения, – стал лукавить я, – и мне хотелось бы предоставить ей подарок сюрпризом. Просьба заключается в том, что когда она следующий раз что-нибудь купит у вас, Вы незаметно положили бы маленький довесок к её покупке.

Она стала прикидывать о невинности моей затеи. Я смотрел на неё и нервничал. Её согласие мне нужно было как воздух. Секунды её раздумий невероятным образом превращались в часы моего нетерпения.

– И где довесок? – протянув руку ладонью вверх, поинтересовалась она.

– Сейчас будет – не веря в свою удачу, я уже рванул через дорогу.

Влетев в ювелирный магазин, я бросился к прилавкам, рыща глазами в поисках чего-нибудь оригинального.

– Молодой человек, неужели опять на нас напал российский дефолт?

Я перевёл взгляд на человека, стоявшего за прилавком. Передо мной стоял пожилой еврей в таких старинных нарукавниках, как у часовых мастеров. На идеально выбритом лице проступали очертания еле заметной, слегка ехидной улыбки.

– Вы так ворвались, что в моей голове лишь две мысли. Либо дефолт, либо одиночное ограбление. Иначе я просто отказываюсь понимать людей. Выбор драгоценностей, да ещё для прекрасной дамы не может проходить в такой спешке. Даже цветы покупают в более спокойном темпе. А тут... – и он занял недоумевающую позу разведя руки в стороны, то ли обращаясь ко мне, то ли прося Бога избавить его от таких клиентов.

– Мне нужно кольцо, способное выразить мои чувства... – не давая возможности долго причитать, объяснился я.

– А как Вы догадались, что я ищу подарок для дамы?

– А по-Вашему на такой скорости выбирают что-то для себя? Как же изменился мир – продолжал, не унимаясь причитать он.

– Неужели сердце одной из очаровательнейших нимф из магазина напротив уже занято? – как бы невзначай поинтересовался он и хитро прищурил глаза.

– Нет. Я их сердца уж точно не украду.

– А жаль – немного расстроившись, промолвил он, –

Знайте, такие милые девушки.

Погладив свой подбородок, как бы произнося мысли вслух, но только так, чтобы я услышал, он добавил: «Значит, речь идёт о той эффектной даме». И при этом его отрешённый взгляд опять искал небо.

– Простите? – пытался вернуть его я во вменяемое состояние.

– Молодой человек, милиция потеряла в моем лице ценного сотрудника. Это я Вам говорю – и, наконец-то, я увидел его широкую хитрющую, но одновременно добродушную улыбку.

– Я видел Вас в боковое оконце – он указал на небольшое окошко, скрытое от глаз посетителей, за огромной витриной.

Я был лишён дара речи. Всё-таки неистребимо у нашего народа взращённая Союзом бдительность. А хранитель пещеры сорока разбойников решил, не дожидаясь ответа, продемонстрировать свой профессионализм.

– И на какую сумму Вы рассчитываете?

– Я...

– Хотя вспоминая Ваше лицо, пару часов назад, думаю, сумма не имеет особого значения – стараясь окончательно добить меня, продолжал состарившийся тимуровец.

– Молодой человек, кто-кто, а Яков Семёнович в делах сердечных кое-что, но понимает.

Он направился в дальний угол торгового зала. Достав из сейфа одну единственную, небольшую коробочку чёрного

матового цвета. Он так бережно нёс этот куб, что меня стали донимать сомнения о своей платежеспособности. Я чувствовал, что я попал, и искусный шантажист не давал мне сомнения в правоте моих предчувствий.

Подойдя к прилавку, он двумя пальцами очень осторожно снял верхнюю крышку. Я поддался вперёд, пытаясь рассмотреть сокровище Аладдина. Внутри коробочка была выложена черным бархатом. По началу, когда я заглянул внутрь, я не мог разобрать, что именно там хранилось. На насыщенном чёрном фоне виднелись четыре бриллианта. Конечно, бриллианты поражали своей красотой. Они были достаточно крупные, более точно сказать не могу, т.к. я в бриллиантах мало что понимаю. Но даже такой профан по части друзей блондинок как я, был заморожён их великолепием. Понимая, что я не вижу всей прелести изделия или просто выжидая момент для более эффектного представления, дядюшка Скрудж изучал мою реакцию и молчал.

– Подойдёт – промолвил я, даже не удосужившись взять коробочку в свои руки.

Лицо Якова Семёновича светилось. Казалось, что моё непонимание сути вещей его крайне забавляло.

– Вы уверены, что ЭТО вам подойдёт? – лукаво переспросил представитель Антверпена.

– Конечно – без доли сомнения в голосе ответил я, хотя сомнение, как туман, уже укутало меня с головой.

– Молодой человек, подойдите поближе к свету – предло-

жил он и жестом руки указал направление.

Мы подошли как раз к тому предательскому окошку. Солнечный луч, проходя через окно, фокусировался на прилавке. Влюблённый в своё дело чародей достал из-под прилавка фланелевую салфетку насыщенного зелёного цвета, растелил её как раз под солнечным лучом и очень осторожно подцепил пальцами кольцо из заветной коробочки. Поднеся к тщательно приготовленной сцене, он опустил королеву чётко под луч.

– Посмотрите поближе, – предложил он, ничуть не сомневаясь в моей реакции.

Я склонился над прилавком и обомлел. Я, человек, не разбирающийся в ювелирных изделиях, просто стоял, разинув рот. В кольце из чёрного материала искуснейшим образом утопали семь великолепнейших бриллиантов, отбрасывающих ярко зелёные лучи. Я аккуратно взял кольца. Чёрный, как ночное небо материал, на ощупь напоминал камень. Непосредственно под бриллиантами камень было прозрачным, как капля росы. Это создавало оптический обман. Казалось, что бриллианты просто застыли в воздухе. Просто восьмое чудо света! Я не мог ни оторвать взгляд, ни положить кольцо на место. Оно притягивало к себе каким-то магическим способом.

Опомниться мне удалось лишь тогда, когда я услышал голос своего ювелирного Колумба.

– Вы курите? – поинтересовался он, продолжая насла-

ждаться моей реакцией.

– Да, – недоумевающая, произнёс я.

– Ради такого случая, молодой человек, я разрешу Вам закурить прямо здесь.

Всё-таки, какой великодушный человек Яков Семёнович. Я поначалу недолюбливал его, а он, понимая какой стресс я пережил, любезно разрешил мне прийти в согласие со своим разумом и успокоить нервы с помощью сигареты. Я достал сигарету подкурил и втянул, заполняя все лёгкие сладковатым, дурманящим дымом. Затянувшись первый раз, вместо просветления, моя голова ещё больше погрузилась в эмоции пережитые секундой раньше.

– Молодой человек, выпустите дым так, чтобы кольцо полностью погрузилось в сигаретный дым – раздался его таинственный шёпот.

Я насторожился. Значит мои потрясения не закончились? Но машинально выполнил его просьбу. Дым медленно окутывал кольцо и мои глаза расширились, не веря в происходящее. В матовом дыму прямо над бриллиантами стали проступать слабые, но всё же заметные лучи. Все семь камней образовывали корону, двухмерную корону галлов. Мой разум отказывался в это верить. Я посмотрел на ювелира ошалевшим взглядом, пытаюсь как-то отреагировать, но понимал, что со словами я сейчас не дружен.

Он сиял, ощущая себя величайшим магом всех времён и народов. Он торжествовал над моим сознанием.

– Вы уверены, что ЭТО вам подойдёт? – ещё раз переспросил он и добавил, – даже шейх способен выразить свои чувства через ЭТО, Вы так не считаете?

– Угу – уж простите всё, что мог из себя выдавить.

– А сигаретку можете уже потушить и выбросить в урну – улыбаясь попросил он.

Мне нужна была в этот момент моторика. Это хоть как-то могло меня вернуть в реальный мир. Пройдясь до дверей и обратно, я более-менее пришёл в себя и продолжил разговор о нашей сделке.

– И сколько же ЭТО стоит? – уж честно признаюсь, эту цифру я слышать не хотел.

– Не переживайте, молодой человек, я смогу Вам продать в кредит. Вы как расплачиваться собираетесь? Карточкой?

Опять подковырнул. Неужели он не заметил, я входил без кейса, наполненного купюрами.

– Карточкой, – полез на амбразуру я. Вот ещё, кредит. Я лучше потом буду долго разбираться с банком, чем наблюдать каждый раз его ехидную улыбочку.

Когда деньги уже были сняты, меня прошиб пот от того, что я забыл вовремя спросить о самом важном, подойдёт ли кольцо, ведь уж точно другого размера у этого мошенника не найдётся.

– Поверьте моему опыту, молодой человек. Если я ошибся, заберу его обратно.

Это меня успокоило. Ну надо же так чётко определить

на глаз размер! Фантастика!

– А не могли бы Вы на внутренней стороне кольца выгравировать кое-какие слова?

Он на секунду задумался, наверное, прикидывая, что именно я могу добавить к этому произведению искусства.

– И какие же слова могут дополнить ЭТО?

– Напишите «Берег души и иллюзий».

Он опять стал общаться с Нирваной.

– Вы знаете, эти слова могут дополнить это кольцо. Сейчас сделаю – и он исчез в соседней комнате.

Пока он отсутствовал, я достал маленький лист бумаги написал номер своего телефона, и спрятал записку в коробочку под подкладку, в надежде, что долгожданная принцесса её отыщет.

На полусогнутых, выбравшись из магазина, после такого шоу, меня встретил свежий ветер и хорошенечко взбодрил. Я нёс кольцо и, при этом, мне так хотелось ещё раз взглянуть на него. Но я боялся увидеть его ещё раз. Возможно, после этого я не смогу с ним расстаться. Хотя увидеть его на руке моей принцессы – высшее наслаждение.

Медленно дойдя до салона, я бросил взгляд на часы. О, чёрт! Я опоздал! Опоздал минут на двадцать. Вероятно, они уже закрыли свой храм, но, заглянув через стеклянную дверь, я удивился, нимфы, как выражался Яков Семёнович, задержались на работе, все, до единой. Толкнув дверь, я вошёл и направился к очаровательной Грации, с которой у ме-

ня был уговор.

– Пожалуйста, вот сюрприз – гордо произнёс я и протянул ей чёрную, матовую коробочку.

– Яков Семёнович, наконец-то расстался со своим со-кровищем – удивлённо сказала она, даже не заглядывая вовнутрь. – Чем же Вы его смогли так подкупить? – спросила она с любопытством. И очередной раз оценила меня с головы до ног.

– Не знаю – с лукавой улыбкой и гордостью ответил я. – И как я могу отблагодарить Вас за столь деликатную просьбу?

– Цветы, шампанское и ресторан – с очаровательной улыбкой на устах отреагировала она.

Только я стал прикидывать в голове возможный ответ, как она произнесла:

– Шучу, шучу я.

А потом немного подалась вперёд и прошептала мне на ухо:

– В следующий раз, когда будете проходить мимо балетного зала, не стойте около окна, заходите. Я научу Вас... может дефиле, а может танцевать танго.

Как это прозвучало, не трудно догадаться. «Держи себя в руках» прошумело в голове, причём голосом моей возлюбленной. Честно сказать, очень отрезвляюще. Я не ответил, но многозначительно улыбнулся. Еле заметно поклонившись, я направился к выходу. Выйдя из магазина, через

витрину, я бросил последний взгляд в торговый зал. Все феи уже склонились над моим подарком и лишь она провожала меня взглядом. Не встретил бы я ту, опалившую моё сердце, кто знает, как бы я повёл себя сейчас.

* * *

Всю неделю я не находил себе места. Работа вызывала раздражение. По ночам я не мог уснуть. Каждые полчаса я проверял свой электронный ящик, ища среди горы спама одно лишь письмо. Заветную весточку. Но каждый раз меня ждало разочарование. Я с нетерпением ждал выходных. В обычной обстановке я терпеть не могу выходные. Я жду понедельника, как умалишённый. Узнавая о такой моей причуде, меня за глаза чистенько так и называли. А тут выходные, как будто обиделись на меня за такое неуважение в течение всех этих лет. Но всё же наступила суббота и я рванул в Ялос, к заветному магазину.

Я медленно проехал по улице чуть дальше, ставшего уже родным для меня, поворота, в надежде увидеть в переулке знакомый Lexus. Но меня опять ждало разочарование. Вообще ощущение разочарования меня преследовало с самого утра. Вначале пришлось вернуться в дом (ох уж эти старинные русские приметы), потом нескончаемые пробки на дорогах, небольшая поломка на трассе, всё как бы предвещало неудачу. Так что когда я медленно проезжал мимо переулка,

то даже не сомневался в несбыточности моих ожиданий.

Припарковавшись я спустился к салону и, сделав глубокий вдох-выдох, вошёл. На этот раз в магазине были посетители. Я нашёл глазами мою невольную помощницу и, когда она поймала мой взгляд, вышел на улицу и закурил возле прозрачной витрины. Она вышла через пару минут, улыбаясь мне, как старому другу.

– Привет. Была твоя именинница. Мы сделали всё так, как ты просил. А на следующий день, она опять приехала, – тут она прервалась, определяя мою реакцию.

– И ... – подталкивал я её. Странно, как мы незаметно перешли на «ты».

– Просила описать тебя. Я описала, как могла – и её улыбка стала ещё шире, – а потом она уехала и больше пока не появлялась.

– Спасибо тебе – немного расстроенным голосом поблагодарил я.

Она пожала плечами, как бы объясняя, что это не стоит благодарности.

– Ну как учиться ещё не надумал?

Я заглянул в её синие, как море, глаза. Я мог прочесть в них то, что отказывалось принимать моё сердце.

– В процессе, – отшутился я.

– Буду ждать, – произнесла она, смотря мне прямо в глаза. Потом развернувшись, она исчезла в дверях магазина.

Я отошёл от салона и облокотился на прохладную стену

дома. Мне нужно было отдышаться. Мне нужно было проглотить разочарование и горечь. Я опять закурил и, закрыв глаза, подставил лицо южному солнцу.

Тишину накрывшую меня на короткое время прервал уже знакомый голос.

– Молодой человек, получилось Вам выразить свои чувства?

Я открыл глаза. Как раз в такой момент меньше всего хотелось видеть именно этого человека. Но скрывать от него свою неудачу, да ещё при таких уникальных способностях раскрывать людей, как у него, мне не было смысла. Вспоминая окошко, я был уверен, что «зоркий глаз и чуткий слух», вероятно, был посвящён в мой разговор, состоявшийся пару минут назад. И мне оставалось только повторить то, что уловили его уши чуть ранее.

– Не знаю. Ответа я пока не получил – с неохотой отреагировал я.

Старик приподнял руки вверх, развернув ладонями ко мне и произнёс:

– Я уверен, что Анастасии Павловне кольцо обязательно понравится – он закачал головой так, будто это истина неподлежащая сомнению.

В эту секунду меня пробило током. Я услышал её имя первый раз в жизни! Это такое странное ощущение любить человека и не знать его имени. Это дикость, о которой нельзя было признаться даже друзьям. А сейчас этот лис делает мне

царский подарок! Откровение! Её имя! Радуюсь такому открытию, я на секунду погрузился в себя. В голове пульсировало имя «Анастасия». Но через секунду ярость, как извержение вулкана, вернула меня в реальность. Этот старикашка всё это время знал за кем я гоняюсь и при этом молчал. Я моментально спрятал руки в карманы, сжимая кулаки и точа когти. Благо, что он находился на другой стороне улицы. Но этот пробел я тут же исправил.

– Вы знаете её имя? – спросил я, подходя к нему и скрепя зубами.

– Конечно. Если бы Вы спросили, я бы сразу ответил – отвечая, он даже слегка испугался. Наверное, моё лицо не могло сейчас замаскировать эмоции бурлящие внутри.

Не желая дразнить льва, ювелир продолжил:

– Семейство Лукьяновых у меня часто покупают и берут в прокат украшения – пытаюсь сбить мой пыл, продолжал убийца моих нервных клеток.

– Адрес? – почти приказным тоном процедил я.

– Меллас, Шалфейная, 12. – как на экзамене отрапортовал старик, – простите, сейчас этот посёлок называется Санаторное.

– Спасибо – я позволил себе растянуться в ехиднейшей на вид улыбочке.

– Молодой человек, Вам достаточно было намекнуть... Я же всегда пожалуйста – изображая искусственно-наигранное недоумение оправдывался невинный агнец.

Как же мне хотелось сломя голову рвануть к машине, но я решил удалиться медленно. Какой гений, думал я. Определяет на глаз размер кольца! Вот плут! Молодой человек, поверьте моему опыту... Это уж точно. Мошенник!

Всё равно я ему благодарен. Ещё одно таинственное звено разорвано.

* * *

Я мчался по трассе связывающей Ялту с Санаторным, а ещё чуть дальше с моим родным «берегом души и иллюзий».

Меллас – один из поселков недалеко от Фороса. В этой стороне Крыма ещё с советских времён располагались дачи высшего государственного аппарата. Я прикидывал, чуть дальше, в Форосе, дачи политиков и прочих публичных людей. Меллас и Парковое места более уединённые, облюбованные людьми деловых кругов. В основном эти люди не любят излишней оживлённости вокруг своих семей. И эти места лучше других подходят к данному сословию.

– Значит г-н Лукьянов бизнесмен? Возможно, это как-то объясняет судьбоносность решения Насти. А, быть может, есть какая-то более глубокая причина? – размышлял я.

У меня не было ни злости, ни зависти к г-н Лукьянову. По крайней мере, если мы любим одну и ту же женщину, то наши вкусы схожи. И эта маленькая деталь вызывает ува-

жение и настраивает на готовность к серьёзной схватке. Любовь совсем не простая штука и на этих полях всегда были и будут идти сражения. Я мог сомневаться в исходе битвы, но об отступлении не могло быть речи.

Я свернул с трассы под дорожным указателем «Меллас». Дорога, спускающаяся к посёлку, ничуть не уступала, ни по качеству, ни по живописности самой трассе. Для бывшего Союза это большая редкость. Как правило, чуть в сторону от артерии и цивилизация становится пустым звуком. Но надо не забывать, кто селился в этих местах.

Спускаясь, я отметил, что по живописности немного ошибся. Красота, открывающаяся с каждым поворотом всё больше и больше, поражала. Вдоль дороги стояли свечи кипарисов, чётко очерчивая границы дороги. Они напоминали природную стражу, а я вроде как спускался к дворцу. Попав в сам посёлок, конечно, дворца я не нашёл, но всё вокруг напоминало маленькую Швейцарию. Я медленно проезжал мимо дач и особняков. Вдали виднелись многоэтажные постройки возведённые здесь совершенно недавно. Но моё нутро подсказывало мне, что искать нужно как раз здесь. Выбрав одну и ту же женщину, скорее всего, мы бы выбрали и похожие места для жилья, с одной лишь разницей – мне нравятся более дикие.

Я ловил себя на мысли, что совершенно невольно, я анализирую своего противника. Я составляю его психологический портрет. А значит, внутри я себя уже готовлю к буду-

щим событиям. Ища окно любимой, я осознавал, что кроме розы, возможно, придётся прямо сейчас встретиться и с шипами, в лице её мужа. Поэтому все романтические эмоции отошли на второй план. А на первый вышла полная концентрация и сосредоточенность.

Мои глаза выхватили табличку на одном из домов «Шалфейная, 8». Вот я и добрался. Оставив машину возле этого дома, я медленно пошёл в сторону 12-го.

Это был особняк, в котором не менее искусно, чем в моем «Береге...», сочетались великолепие постройки былых зодчих и новые архитектурные решения. Bravo г-н Лукьянов, я не ошибся в Вашем вкусе. Витринные окна создавали прекрасную обзорность и, видимо, естественный свет в течение всего солнечного дня разливался внутри, подчёркивая тепло и уют. Но больше всего запал в душу небольшой парк, если так можно выразиться, окутавший дом по периметру. Когда мои глаза застыли на розах, в самом центре этой ландшафтной идиллии, в сердце что-то ёкнуло. Перед глазами возник образ. Её ночной образ. Я чувствовал, что её руками создан этот маленький Эдем. Иначе быть не могло.

Я стоял возле ворот, восхищаясь этим садом. Но никаких признаков, присутствия в доме людей я не заметил.

– Может мне стоит покараулить до вечера, тем более что не так много времени уже осталось? – размышлял я.

Я взглянул на часы и стал озираться по сторонам. И в этот момент я услышал голос:

– Молодой человек, Вы к Сергею Брониславовичу?

Я повернулся на голос. В соседней калитке стоял пожилой человек, худощавого телосложения, в старом, наверно ещё советском, спортивном костюме.

– Да, мне надо было ему кое-что передать – с этими словами я подошёл к нему поближе.

– Они уехали вчера. Домой в Ниццу – на секунду он задумался, приложив указательный палец к своему рту и легонечко постукивая по губам.

– Хотя у меня где-то есть номер его прямого телефона.

– Прямой? В Ницце? – с уточнением переспросил я.

– Ой, простите, старая привычка. Сейчас говорят мобильный. Но я сторонник чистого русского языка. Поэтому говорю – прямой. Хотя это уже не первый казус, произошедший из-за неверного толкования. – Так мне поискать номер?

Конечно, мне этот номер, как мёртвому припарка, но чтобы снять все подозрения я согласился.

– Пройдёмте в дом, – любезно пригласил он, – я сейчас найду телефончик.

Прохода по дорожке к старой деревянной веранде, я обратил внимание на розы. Я даже на мгновение остановился. Они были точно такие же, как и в палисаднике моей возлюбленной. Это еле заметное замешательство не ускользнуло от хозяина усадьбы.

– После смерти моей жены, Анастасия Павловна помогает поддерживать оранжерею в хорошем состоянии. Это исклю-

чительно её заслуга.

При упоминании её имени я невольно вздрогнул. Я чувствовал, что выдаю себя, но не мог с собой ничего поделать.

Мы вошли в дом. Оглядев интерьер, я поймал себя на мысли: вероятно, хозяин либо военный в отставке, либо чекист. Вся обстановка была почти что аскетическая. Мебель, ещё 70-х годов прошлого века, но только необходимая. Всё предельно скромно. Современный дизайнер интерьеров здесь мог бы почерпнуть гармонию смеси стиля 70-х и современного минимализма. В подтверждение теории о секретности его бывшей профессии так же говорило небольшое количество фотографии на стенах. Я стал вспоминать, что раньше в этих местах располагались дачи знаменитого 9-го отдела КГБ. Они всегда были обособлены, т.к. этот отдел практически не контактировала с остальным могучим аппаратом госбезопасности. Везёт же мне на интересных людей.

– Немного коньяку? – поинтересовался гостеприимный хозяин, – у меня есть настоящий армянский коньяк, ещё с тех времён, – с таким вкусом, аж причмокнув, соблазнил меня он, – или машина припаркованная около соседнего дома Ваша?

«Опять маленькое окошко?» – с иронией подумал я. Точно чекист. Хотя старики все крайне любопытны.

– С удовольствием выпью коньяку, несмотря на то, что это моя машина припаркована возле соседнего дома – не желая притворяться, подтвердил я.

– Сразу видно «наш человек» – усмехнулся он и побрёл на кухню.

Я уселся в кресло рядом с журнальным столиком и продолжил свой анализ касательно бывшей профессии владельца.

– И крепкий чёрный кофе? – чуть громче из-за стены добавил он.

– Не откажусь.

Пока он готовил кофе, я окончательно пришёл к выводу, что имею дело с чекистом. С настоящим чекистом ещё той формации. Я размышлял, как же могли появиться вот такие люди. Кристально чистые, честные, порядочные до глубины души, преданные до мозга костей своей стране. И даже к старости они не растеряли себя. Наверное, смена государственного строя больше всего отразилась на них. В одночасье потерять всё во что верил. Выдержать это и сохранить все свои лучшие качества. Остаётся только восхищаться мужеством, да, да, мужеством этих людей.

– Вас, простите, как зовут? – раздался голос из кухни.

– Дмитрий.

– А по батюшки?

Ещё одно, практически забытое выражение. Хорошо, что у нас ещё сохраняются отчества.

– Александрович – чуть громче ответил я.

– Очень приятно. Пётр Иванович – представился он и продолжил, – Дмитрий Александрович, помогите мне от-

нести всё в гостиную.

Я поднялся, зашёл в кухню и помог перенести наш скромный фуршет в зал. Коньяк, лимон, кофе, сыр на тарелочке. Похоже, в этих вещах он разбирался превосходно.

Я долго сомневался спрашивать или нет, но после глотка коньяку осмелел:

– Пётр Иванович, простите за нескромный вопрос, Вы работали в 9-ом отделе?

Старик просто засветился от гордости.

– Вы крайне наблюдательны. Приятно общаться с таким собеседником. Да, я работал именно там и за жизнь повидал достаточно многое.

Наш разговор склонился в сторону воспоминаний его былых дней. Не знаю, снят ли гриф секретности с тех историй или нет, вероятно, да, но, не зная точно, я опушу детали нашего ностальгического разговора.

Мы проговорили до вечера и спохватились, когда сумерки украдкой наполнили гостиную привычным синеватым отливом света.

– Ну, мне пора – немного извиняюсь, сказал я.

– Да, конечно. Было крайне приятно с Вами познакомиться. Заезжайте ко мне, а то меня моё одиночество немного раздражает. И тут он вспомнил причину, по которой я оказался в его мире.

– Сейчас принесу номер. Он удалился в боковую комнату. Через минуту он вышел и протянул мне листок бумаги.

На лице его блуждала еле заметная улыбка.

– Большое спасибо, – поблагодарил я, даже не удосужившись взглянуть на бумагу.

– Достаточно разборчиво написано? – произнёс он, заставляя меня всё же взглянуть на лист.

Я раскрыл листок сложенный пополам и... начал читать вслух «Ницца, Променад дэ...». На бумаге был написан только адрес. Я опешил. Не знаю, что меня дёрнуло спросить за номер телефона, толи из-за желания скрыть уже раскрытую цель моего визита в эти окрестности, толи желание получить правдивые объяснения.

– Дмитрий Александрович, я понял об истинной Вашей цели визита ещё, когда Вы остановились возле роз. Я упомянул имя Анастасии Павловны, и Вы моментально изменились в лице. В дальнейшем мои наблюдения только усиливали мою догадку. Я чту семейные традиции, но конкретный случай, исключение. Настенька очень мне напоминает мою ушедшую из жизни жену. Поэтому я отношусь к ней как к своей собственной дочери, тем более, что у нас с женой так и не было своих детей. Я видел всё это время в её глазах тоску. Она практически незаметна. Но, мне старику, была видна. Сергей Брониславович, неплохой человек, но я хотел бы видеть Настеньку счастливой. Я плохо сплю по ночам, сами понимаете старость. Так вот, последнюю неделю я слышу плачь. Её плачь. И сейчас я, похоже, догадываюсь о причинах этих слез. Мне очень больно это слышать.

Мне всегда Анастасия напоминала эдельвейс. Знаете такой цветок? Чтобы добраться до него, требуется большое мужество и отвага, так как путь наверх, к прекрасному, граничит с риском для жизни. И добравшись, не стоит его срывать. Можно остаться там – на вершине мира и разделить всё счастье на двоих. Я многое видел в жизни и неплохо разбираюсь в людях. Мне достаточно было пообщаться с Вами эти пару часов, что бы убедиться в Ваших чистых помыслах. Я уверен, что Анастасия Павловна будет счастлива с Вами. Вот поэтому я пошёл против своих принципов. Хотя к старости становишься мудрее и понимаешь, что принципы это обычные заблуждения готовые тешить твоё эго.

Я слушал этого пожилого человека и, с каждым его словом, во мне возрастала благодарность и уважение. Я не сказал ни слова об Анастасии во время нашей беседы, а он так чутко смог распознать мои чувства к ней. Я благодарен ему за то, что он сделал свой выбор в мою сторону и постараюсь сделать всё возможное, что бы его ожидания сбылись.

Я поблагодарил его и вышел за калитку. Он по-отцовски похлопал меня по плечу и добавил:

– Не останавливайся. Верь в свои силы. И борись. Да, и помни, я всегда буду рад видеть тебя в своём доме. А вас двоих тем более.

Сумерки уже уступали свои права тёплой южной ночи, когда я завёл мотор и выехал на трассу в сторону своего «Берега...». Впереди ещё один день выходных и мне надо порази-

мыслить над планом возвращения моей принцессы, носящей такое прекрасное имя – Анастасия.

«Письмо»

Утро выдалось пасмурным. Мне совершенно не хотелось вылизать из-под одеяла. Бывают такие моменты в жизни, когда лень окутывает тебя любовью прямо с утра. Ты подтягиваешься, крутишься в кровати, вытягиваешь позвонки и растягиваешь мышцы, но сделать над собой усилие и встать совершенно не можешь. Ты запускаешь руки под подушку, утыкая в неё свой нос и остатки сна, точнее, какие-то фрагменты выбивают тебя из реальности. Ты находишься между двумя мирами. Ни там, ни здесь. В принципе, в эти тягучие, как смола, минуты, ты вроде, как и не существуешь. Пробуждение ни как не может тебя выхватить из объятий Морфея. Ты испытываешь полное блаженство тела и мозга.

Когда я приезжаю в свой «Берег...» и остаюсь здесь на все выходные, я ставлю себе в качестве будильника Vangelis – Von Voyage. Мелодия медленно, как рассвет, расцветает в твоём сне. И разливается своими перекатами по всему твоему вялому телу. Просыпаться под эту композицию всё равно, что рождаться снова и снова. И в это воскресенье меня ждало, как и всегда, обычное, будничное рождение. Встать бодрячком не получилось и я медленно перекатился через всю кровать, ногами нащупал пол, и лишь тогда с усилием стал бороться с притяжением кровати.

Первый раз за последнюю неделю я по-настоящему вы-

спался. Думаю, тому причина, вчерашняя беседа с отставником-особистом. Я очень уважаю таких людей и его негласная поддержка успокоила мои морально-этические переживания. Ради возвращения любимой я и раньше не особо обращал внимание на этический вопрос, но всё же что-то внутри немного зудело.

Налив себе чёрный кофе и бросив в чашку кусочек льда, я выполз (сложно подобрать более подходящее слово) на террасу.

Передо мной под тяжёлыми тучами, цвета старого асфальта, разливалось штормовое море. Море никогда не бывает не красивым. Оно может быть ласковым и нежным, как улыбка матери, или хмурым и могучим, как укоряющий взгляд отца, но оно остаётся таким же родным, как наши родители. Оно и является где-то в очень далёком прошлом нашей родовой колыбелью. Темные сине-зелёные воды, посыпанные белыми пунктирами морской пены под серым небом. Оно заставляло благоговеть и восхищаться. Странно, когда видишь штормовое море, ты преклоняешься перед его могуществом и силой, побаиваешься, но, в тоже время, в душе рождается небывало мощный восторг, будто ты восхищаешься силой старшего брата. Что для нас море и вода в целом? Всё! Наша жизнь!

Я стоял перед величайшей стихией, ветер порывистый и мощный бил меня в грудь, и мою душу заполняло восхищение и полнейшая свобода. Я поставил чашку на пол. Под-

нял руки вверх, ладонями к морю.

– Я склоняюсь перед тобой, моё море. Вспомни меня, вышедшего из твоих вод много веков назад. Я твой сын. Поделись со мной своей силой, мощью и свободой.

Я произнёс эти слова. И ощутил, как море мне откликнулось, внося в мою душу всё то, что я попросил. Я сделал глубокий вдох, вбирая в себя запах соли и водорослей, и уже через минуту был настолько бодр, что мог свернуть горы.

Оставив свой форпост, я вернулся в дом. Кожа слегка замёрзла, но в душе пылал огонь. Огонь счастья, рождённого прикосновением природы. Я вспоминал ту ночь. Ощутил нежный запах моей любимой. И мысли постепенно вернули меня к моей проблеме, которую я старался решить. Не получив ответа на моё послание, мне ничего не оставалось делать, как напомнить о себе ещё раз. Вода точит камень, решил я. Значит вторым напоминанием обо мне, станет письмо. Странно, но события, происходящие в последнее время со мной, заставляют каждый раз возвращаться к истокам. Вот ещё одно напоминание из прошлого – письмо. Мы, живущие в XXI веке, пользуемся всеми современными достижениями. IP-телефония, e-mail, twitter, messenger – красивые слова, а толку? Все эти «помощники» призваны облегчить нашу жизнь. Они великолепно с этим справляются. Только облегчая, заодно и притупляют наш разум, наши возможности. Мы общаемся парой сотней слов и наступают моменты, когда мы не в состоянии выразить свою мысль.

В этих случаях звучит излюбленная фраза-паразит «Ну, ты меня понимаешь». А что остаётся делать? Приходится понимать, так как и твой словарный запас скудеет час от часа. Письмо заставляет нас изложить мысль не фразой и даже не предложением, а абзацами и страницами. А когда нужно выразить свои чувства... ну, ты меня понимаешь.

Мне пришлось потратить некоторое время в поисках мобильного. По обыкновению, приезжая в свою крепость я забрасываю его куда подальше, и в воскресенье, ближе к вечеру, перед отъездом устраиваю грандиозные поиски, каждый раз удивляясь, как я умудрился положить его в такое «случайное» место. В этот раз он вообще оказался вне дома. Отыскав телефон, я набрал номер представителя нашей компании в Париже. После непродолжительного гудка, я услышал голос старого приятеля Анжи.

Анжи – удивительная личность. Невысокий, стройный, любитель тонкого юмора, русских женщин и, на удивление, крымского вина. Отец Анжи француз, известный в прошлом спортсмен. А мать – русская. Родился Анжи через девять месяцев после знаменитой Олимпиады-80. Даже имя у него франко-русское, точнее наоборот, русско-французское. Мама хотела назвать его в честь своего отца – Андреем, а отец в честь своего – Жильем. Вот и получился паритет – Анжи.

– Алло, Митя? Привет. Сегодня, с утра, воскресенье. Ты звонишь. Значит ты на работе, как всегда?

– Привет, дружище. Логика железная, но не угадал. Я

не на работе.

– О, это становится совсем интересно. Ты же о работе вне работы не говоришь?

– Я по личному вопросу.

– Ты меня радуешь с каждой минутой. Неужели ты последовал моему примеру, только в противоположном направлении?

– Не совсем так. Француженку пока не ищу. Ты не хочешь на недельке прокатиться в Ниццу?

В воздухе повисла пауза, не такая, чтобы совсем длинная, но небольшое напряжение с моей стороны всё же присутствовало.

– Море... Ницца... – слышались размышления Анжи. – Ты же знаешь, я не смогу тебе отказать как другу. Я же всё-таки русский.

– Прости, Анжи, но ты не сможешь мне отказать и по той причине, что ты француз.

– Я уже догадался. Вопрос касается женщины?

– Ты как всегда проницателен, дружище.

Комплимент пришёлся в точку. В трубке раздался добрый смех.

– И что я должен сделать?

Я вкратце рассказал свой план.

– Она русская? Не боишься, что я её уведу?

– ...

– Шучу, шучу – радуясь своей «удачной» шутке, Анжи

ещё больше повеселел.

– Высылай письмо и инструкции экспрессом. Я помогу, но будешь должен.

– Ты всё ещё в поисках русской красавицы? – поинтересовался я.

– Конечно.

– Тогда «Долг платежом красен» знаешь такую русскую поговорку? Приедешь, рассчитаемся.

– Ловлю на слове. Знаешь такую русскую фразу? – отреагировал он, оставшись доволен своей находчивостью и знанием русских фраз.

Мы попрощались. И в таком прекрасном расположении духа, я взял бумагу и начал писать письмо самой желанной женщине на свете:

«Я хотел бы встретить тебя в городском аэропорту. Посадить в машину и увезти на побережье прекрасного Чёрного моря. Проезжая сквозь хвойный лес по просёлочной дороге, на которой лучи солнечного заката уже играют с тенями деревьев, создавая причудливые, магические, можно сказать, потусторонние узоры, ты чувствуешь, как в открытые окна машины врывается свежий хвойный запах с усиливающимся оттенком приближающегося солёного моря.

Дорога, плутающая вокруг огромных, величественных валунов, постепенно раскрывает перед твоими глазами райские крымские пейзажи. Она кокетливо, своими плавными поворотами даёт время насладиться красотой окружающей

тебя практически доисторической природы. Ещё подъем, и со звуком задыхающегося от оборотов двигателя, машина преодолевает последний горный барьер, забираясь на площадку среди красивейшего «альпийского» луга.

Твоему взору открывается скалистый берег, разрезанный обрывами и ущельями нетерпеливого, как женские желания, моря. Мы останавливаемся около небольшого, лесного, деревянного домика, стоящего практически на самом краю обрыва. Когда-то он принадлежал лесничеству, потом здесь размещался наблюдательный пункт советских ПВО, а после распада Союза из этих мест и вовсе ушла вся цивилизованная жизнь. Мне его показал знакомый лесник, и я из него сделал своё секретное место и назвал его «Берегом души и иллюзий». Почему «души»? Наверное, и так понятно. Почему «иллюзии»? Просто сама жизнь здесь становится иллюзорной, призрачной, как маленькая, еле заметная звезда на огромном и чёрном, как смоль, небосводе.

Я приглашаю тебя войти в мой дом, пока я схожу и наберу свежей родниковой воды. Ты переступаешь порог и попадаешь в мой мир. Проходя через «сени» (как говорили в старину), ты слышишь, как под ногами поскрипывают половицы. Не бойся. Дерево здесь на удивление прочное. Входи!

Тыходишь в большую просторную комнату. Первым делом, и я в этом уверен, ты обращаешь внимание на фасадную стену из стекла с видом на море. Моя сестра, архитектор, помогла мне аккуратно ввести в мой «Берег души и иллюзий»

нотки современности, не нарушив общей прелести старины. Проходя к стене-окну, ты задеваешь большие 100 Вт колонки. Больно? Прости за беспорядок. Я потом обязательно полечу твою ножку.

И колонки, и синтезатор, и гитара с компьютером – всё это части моей глубоко скрытой сущности. С моими помощниками я извлекаю музыку, которая обволакивает эти стены каждый раз, когда я здесь. Ты идёшь к фасадной стене, открываешь дверь, выходишь на маленькую террасу и, я уверен, твоё дыхание остановится. Здесь так бывает, точнее сказать, здесь можно забыть дышать, логически мыслить, потерять реальность времени. Особенно во время сумерек и на протяжении всей ночи. Мне и самому порой кажется, что время здесь течёт так же, как золотистый майский мёд спускается на... белоснежную кожу. Ты стоишь на террасе, твои глаза всматриваются, казалось бы, в обычный морской горизонт, но с ПОТРЯСАЮЩИМ закатом. Как бы ни играло воображение, какой бы закат ты ни видела, но передать красоту любого заката (если ты не пошлый писака) просто НЕВОЗМОЖНО! Ты пьёшь воздух морского бриза и смотришь на берег мыса Айя, проглатываемого сумерками – «трещиной между мирами». Так назвал это время К. Кастанеда, и я запомнил эту фразу на всю жизнь. Блестяще!

Пока ты находилась «между мирами», я заварил чай из трав, налил «Бастардо» в бокалы, включил Bill Laswell – Rebel Music, разжёг камин и вышел к тебе на террасу. Беру

на ладонь твой бокал и протягиваю его тебе. Бери! С ним я отдаю тебе последнюю каплю реального времени. Дальше – забвение. Ты пригубишь, и я замечу каплю вина, аккуратно пристроившуюся в уголке твоих губ. Как я уже писал, здесь реальный мир заканчивается. Этикет и приличия тоже. Я склоняюсь над тобой и губами пью эту маленькую дочь Диониса с шоколадным привкусом. Смотри мне в глаза. Я хочу попробовать тебя на вкус. Я целую, смесь моей жажды, вина и шоколада – вот чего мне так не хватало.

Иллюзия вокруг, туман в голове, ток по мельчайшим нервным окончаниям. Я тебя обнимаю, пытаюсь вырвать у этого мира. Крепко и одновременно нежно прижимаю к себе.

О..., похоже, не только я, но и морской бриз питает к тебе не только платонические чувства. Он проворнее, и пользуется этим, мягко поглаживая твою шею, руки, корни волос. Молодец! Пользуйся случаем. Ибо я сейчас украду её и у тебя.

Я беру тебя на руки и переступаю порог. В комнате темно. Около стены горит камин. Прямо перед нами кровать с кованой металлической спинкой..., но я замечаю, что ветер долго целовал твои руки и они стали прохладными. Сейчас бы этими прохладными руками, и к моему пылающему телу!... Я бросаю взгляд на камин. Рядом с ним лежит тёплая овечья шкура. Ну вот, лучшего места сейчас во всем мире не найти. Пронся тебя к камину, я сам натываюсь на туже самую ко-

лонку. Черт! Надо её передвинуть, а то чуть резче поворот и я был бы уже на тебе. Но с другой стороны, всё, что ни делается – всё к лучшему. Я вспоминаю, что недавно ты сама испытала прочность этой ещё советской конструкции.

Встав на колени, я опускаю тебя на шкуру возле камина.

Где болит? Бедро?

Держи бокал, пей вино. Пока Эрос будет дуть тебе в лицо, я, хоть и не врач, но всё же массажист, осмотрю этот «идеальный повод». Ты втягиваешь живот и отклоняешься назад, подставляя под спину локти. Я тянусь к той самой заветной пуговице на твоих джинсах. Смотрю прямо в твои глаза. Чтобы ты отвела взгляд или закрыла их, нет (!), никогда (!), этого быть не может. Прямо глаза в глаза.

Я тебя не знаю? Вряд ли. Но чувствую! Это точно.

Ты прогибаешься, приподнимая бедра. Молния медленно, как бы нехотя, разводит в стороны оборонительные ряды медных зубьев. Двумя руками сжимая плотную ткань в области коленок, я стягиваю с тебя прочные, модные, но совершенно не нужные в этот момент, по моему разумению, джинсы. Теперь я уже не в силах удержать твой пронзительный взгляд. Ну, слаб я! Тем более рану осмотреть нужно?

Мои глаза моментально переносятся в «гущу будущих событий». По мере продвижения джинсового пояса моим глазам отрываются прекрасные белоснежные бедра.

Замечаю: «Белье тонкое, дорогое, не прозрачное, не банально, значит, меня оценивают как интеллектуальное су-

щество! Спасибо». Смысла нет робеть и останавливаться на полпути. Я поднимаю твои ножки и одним движением снимаю джинсы.

Мой взгляд вопрошает: «Где рана?», но в этих страстных, горящих глазах, в этой лукавой, хитрой улыбке разве можно что-то разобрать кроме... Пощады не жди! Не надейся! Каждое твоё движение оценивают взглядом удава, смотрящего на кролика. Я склоняюсь над бедром, водя кончиками моих уже влажных, тёплых пальцев. Мои тёмные волосы падают мне на лицо, закрывая меня от этих жгучих глаз. Но я просто не мог уже контролировать хоть что-то в этой комнате. К черту банальный массаж... Я губами впиваюсь в первое же, попавшее на глаза место, обнимая левое, а потом уж и правое бедро своими руками. Голова моя кружиться. Такого никогда раньше не было. Время, мысли, приоритеты – всё поплыло, всё потеряло значение.

Я жадно губами, языком, всем своим нутром, целую каждый сантиметр великодушно отведённой мне части тела. Мои ладони поглаживают всю эту прекрасную территорию, а так же живот и давно уже держат мёртвой хваткой нежную упругую талию. Со временем я ощущаю напряжение в мускулах рук. Я поднимаю глаза... и перед моим взором, к моему удивлению, предстаёт не сверлящий, хитрый взгляд, а блистательная грудь всё в том же тонком, дорогом, не прозрачном, не банальном, но уже бюстгальтере. Когда? Я же вроде пытался контролировать всё? Нет. Точно. Мой взгляд

упирался в ещё не покорённые вершины.

Я поднимаюсь. Твои глаза уже прикрыты. На лице восхитительная улыбка, то ли блаженства, то ли той же лукавости. Но перемены есть, они в твоём лице, в твоей позе, в твоих открытых, влажных ладонях. Теперь Я контролирую положение дел. Или это ещё одна ловушка, в которую я должен попасть? Мои ладони всей поверхностью плотно прижимают и гладят твою бархатную кожу. Я всматриваюсь в твоё лицо, пытаюсь расшифровать смысл твоей улыбки. Глупо. Улыбка может означать всё что угодно, к примеру, что тебе просто приятно. И зачем искать какой-то смысл? Я наблюдаю, как свет от языков разгоревшегося пламени в камине бросает игривые тени на твоё лицо. Как напрягаются и расслабляются мускулы на нем. Как раздуваются ноздри. Как подёргивается нижняя губа, оголяя белоснежные зубы. Как практически незаметно вздымается твоя грудь.

Я подношу руку к твоему лицу и убираю упавшие на глаза волосы. Кажется, что твои ресницы двигаются в такт теней от огня, вальсируя в каком-то таинственном танце.

Я перевожу взгляд на твою тонкую, грациозную шею. Вот когда поймёшь беднягу вампира. Каждый дюйм твоего тела открывает для меня всё новые и новые детали, о которых, я знаю, буду вспоминать в одиночестве, сидя перед этим камином. Я провожу большим пальцем по твоему лбу. Спускаюсь по переносице и поглаживаю твои горячие и влажные губы. Ты пытаешься схватить губами мой палец, но я вовремя его

одёргиваю. Нет. Сейчас ТЫ на спине. Твои руки распахнуты в стороны ладонями вверх.

Я сижу с боку, наклонившись над тобой. И это уже моя игра. Ладонью я прикасаюсь к твоей щеке, а губами обнимаю твою мочку уха. И хотя моё ухо еле улавливает звук твоего дыхания, я отчётливо слышу биение твоего горячего сердца. Я целую тебя за ухом и втягиваю носом аромат твоего тела.

Обожаю, когда женщина знает, как и когда применять парфюм. Тогда можно насладиться замахом тела с практически неразличимым оттенком летучих духов.

Я запускаю пальцы под волосы на затылке, глажу и разминаю шею. Надеюсь, ты испытываешь немного блаженства? Я беру тебя за плечи и притягиваю к себе. Твоё тело расслаблено, аморфно. Один поцелуй, нежный, только губами. Но твой приоткрытый рот, всем своим видом говорит: «Поцелуй! Нежно, глубоко и крепко, так как никого никогда не целовал!». Я крепко прижимаю тебя, обнимая губы, пытаюсь достать твой язычок. Долгий, долгий и блаженный поцелуй в этом неизмеримом и безграничном времени. В этом четвёртом измерении. Под шум ночного прибора.

Я глажу твою шею, плечи и грациозно прогнувшуюся спинку. В данную минуту я полагаюсь лишь на свои пальцы, которые заменили мне глаза, и изучаю каждый изгиб твоего великолепного тела. Двумя пальцами я сжимаю две половинки ткани твоего бюстгальтера, и застёжки распадаются в разные стороны без малейшего шанса зацепиться и испор-

тить всю плавность движений моих рук. Я запускаю палец между чашечек и легко спускаю капитулирующий бюстгальтер. В данную минуту я не вижу обнажившуюся грудь, продолжая целовать тебя, но моя рука незаметно скользит под основание, приподнимая и слегка сжимая твою грудь, отмечая её упругость и объем. Опустив тебя, я тыльной стороной ладони еле заметно прикасаюсь к твоему соску правой груди. В этот момент как будто ток пронзает твоё тело, и ты вздрагиваешь. Краем глаза я замечаю, как твоя левая кисть впиалась в овечью шкуру, а пальцы сжимают ворс.

Твоё дыхание участилось. Волосы на моей руке нежно щекочат твой сосок, дразня рецепторы. Я смотрю на твоё лицо. Твоя улыбка излучает удовольствие, наслаждение, с едва уловимым привкусом радости. Так улыбается ребёнок, которого нежно щекочат. Эту улыбку обязательно нужно продлить. Я опускаюсь и быстрыми, моргающими движениями ресниц своих глаз прикасаюсь к твоему правому соску. Этот «поцелуй бабочки» явно пошёл на пользу. Ты смеёшься. Мои руки гладят твои ладони, запястья, медленно плывя по рукам, плечам и шеи, постепенно спускаются к твоей груди. Мягкими движениями сжимаю твою грудь, языком выписываю спираль вокруг твоего соска, возбуждая и дразня.

Я чувствую твои руки на моем затылке. Они гладят и взлохмачивают мои волосы, легонько направляя мою голову. Я открываю рот над твоей грудью и дышу на сосочек жаждущим, пылающим, горячим нутром. От моего ды-

хания твёрдый, как воск, сосок моментально размякает и тонет в моих губах, поглаживаемый языком.

Я долго целую твою грудь, массируя руками и легонько покусывая.

Время, которое медленно льётся вокруг нас, похоже, совершенно замерло. Мы погружаемся в страну грёз и секса.

Каждый раз, впиваясь губами в сладкое и уже совершенно беззащитное тело, я спускаюсь всё ниже и ниже, не пропуская ни единого сантиметра роскошного тела. Моя цель – твой живот, область пупка. Места, которые для всех нас самые родные. Места, которые мы узнаем ещё до рождения.

В этот момент, ты прогибаешь спину, потягиваешься и отбрасываешь руки назад, наклоняясь на противоположный от меня бок. Перед моими глазами, медленно и грациозно проплывают твои бедра.

Я беру разгон и уже просто не успеваю наслаждаться плавными линиями, мягкими изгибами твоего блистательного тела. К тому же, в данный момент, я могу избавить тебя от последней, опять-таки, совершенно не нужной в этот момент, вещицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.